

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование кафедры)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль))

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Образы детей в творчестве Екатерины Мурашовой (на материале произведений «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции»)»

Студент

К.Е. Тропина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

М.Г. Лелявская

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

И.о. завкафедрой

канд. филол. наук, доцент

О.Д. Паршина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 2018 г.

Тольятти 2018

АННОТАЦИЯ бакалаврской работы

Выпускная работа Тропиной Ксении Евгеньевны выполнена на тему «Образы детей в творчестве Екатерины Мурашовой (на материале произведений «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции»)». Объектом исследования выбраны повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции». Предмет исследования – детские образы в произведениях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции».

Цель работы состоит в выявлении особенностей изображения и функционирования детских образов в повестях, определение их значимости для раскрытия проблематики произведения.

Основные решаемые задачи: обобщить изложенные в научной литературе особенности изображения ребёнка и мира детства в художественном произведении; описать основные взгляды русских писателей на мир детства, отмеченные исследователями; обобщить выявленные в работах критиков и исследователей особенности творческого метода Ек. Мурашовой; проанализировать детские образы в повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!», выделить основные средства создания образов в повести; сопоставить повесть Ек. Мурашовой с повестью В.Г. Короленко, осветить основные аспекты художественной преемственности; проанализировать детские образы в повести Ек. Мурашовой «Класс коррекции», выявить, какой ребёнок является героем произведений писательницы.

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

Основные результаты исследования (научные и практические):

1) Выявлено, что в повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции» используются разные средства создания образа ребёнка: внутренние монологи, портрет, номинации, интерьер, индивидуализация речи, поступки героев, биография героев, их мировоззрение, оценочные высказывания в адрес героя от лица других персонажей.

2) Установлено, что писательница изображает детей «стёртых» и «непривязанных», затрагивает в своих произведениях новые темы, навеянные ситуацией в стране на рубеже XX-XXI веков.

3) Показано, что своих произведениях Ек. Мурашова продолжает гуманистические традиции русской литературы.

Апробация исследования была представлена на открытом уроке, проходившем в г. Тольятти в МБОУ СОШ № 90 (01.02.2018 г) и в рамках научной конференции «Студенческие Дни науки – 2018».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. АКУТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА РЕБЁНКА И МИРА ДЕТСТВА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	8
1.1. Образ ребёнка и детства, особенности изображения героев в детской литературе	8
1.2. Мир детства в русской классической литературе	15
1.3. Творчество Ек. Мурашовой в работах критиков и литературоведов	21
ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТЯХ ЕК. МУРАШОВОЙ «ОБРАТНО ОН НЕ ПРИДЁТ!» И «КЛАСС КОРРЕКЦИИ»	34
2.1. Система образов в повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!»	34
2.2. Традиции В.Г. Короленко в произведении Ек. Мурашовой, сопоставление повестей «Дети подземелья» и «Обратно он не придёт!»	44
2.3. Система образов в повести Ек. Мурашовой «Класс коррекции»	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших образов русской и зарубежной литературы является образ ребёнка и детства как особой жизненной поры. Именно в детстве закладывается фундамент человеческой личности, корни многих проблем взрослого человека можно найти в его детских и подростковых годах. Поэтому тема детства всегда волновала исследователей. Социальный статус и положение ребёнка в обществе, его значимость для семьи и общества в целом, представление о взаимоотношениях ребёнка со взрослыми, проблема социализации детей – всё это составляет предмет изучения во многих областях: педагогика, психология, социология. Проблема детства волновала также и многих писателей.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в нём выявляются и анализируются особенности изображения детей в повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции», которые имеют теоретическую и практическую значимость для изучения творчества писательницы, а также детской литературы рубежа XX-XXI веков в целом. В этот период в детской литературе стали освещаться новые темы, подниматься новые социальные проблемы, такие как социальное сиротство, отчуждение подростков с ограниченными возможностями, детский алкоголизм и наркомания, насилие в семье. В русской литературе появился новый тип ребёнка-героя, и обращение к творчеству Ек. Мурашовой позволяет выявить особенности изображения ребёнка в этот период.

Степень научной разработанности проблемы. Среди работ, посвящённых изучению детских образов в произведениях русских писателей, можно выделить работы М.Н. Эпштейна, Т.В. Юкиной «Образы детства» [Эпштейн, Юкина 1979], И.Н. Арзамасцевой «Детская литература» [Арзамасцева 2008], Н.А. Дворяшиной «Лики детства в литературе Серебряного века» [Дворяшина 2008] и многие другие. Среди работ, посвящённых изучению творчества Ек. Мурашовой, можно выделить статьи

О. Метелкиной «О двух повестях Екатерины Мурашовой» [Метелкина 2011], Л. Рудовой «Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции»» [Рудова 2014] и «Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды)» [Рудова 2014], О. Бухиной и А. Лану «Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи» [Бухина, Лану 2015], М.В. Иванкивой и В.Ю. Чарской-Бойко «Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика» [Иванкива, Чарская-Бойко 2015], Л. Тибонье «Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась Кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции»» [Тибонье 2015], Ю.О. Глуховой «Подросток в современной русской литературе» [Глухова 2016].

Объектом исследования являются повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции».

Предметом исследования являются детские образы в произведениях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции».

Целью данной работы является выявление особенностей изображения и функционирования детских образов в повестях, определение их значимости для раскрытия проблематики произведения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) Обобщить изложенные в научной литературе особенности изображения ребёнка и мира детства в художественном произведении.

2) Описать основные взгляды русских писателей на мир детства, отмеченные исследователями.

3) Обобщить выявленные в работах критиков и исследователей особенности творческого метода Ек. Мурашовой.

4) Проанализировать детские образы в повести Ек. Мурашовой

«Обратно он не придёт!», выделить основные средства создания образов в повести.

5) Сопоставить повесть Ек. Мурашовой с повестью В.Г. Короленко, осветить основные аспекты художественной преемственности.

6) Проанализировать детские образы в повести Ек. Мурашовой «Класс коррекции», выявить, какой ребёнок является героем произведений писательницы.

Методологической основой исследования являются:

- метод изучения учебной и научной литературы;
- метод анализа и обобщения полученных фактов;
- описательный метод;
- сопоставительный метод;
- биографический метод;
- культурно-исторический метод;
- психологический метод;
- метод контекстного анализа;
- социологический метод;
- метод интертекстуального анализа.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) В повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции» используются разные средства создания образа ребёнка: внутренние монологи, портрет, номинации, интерьер, индивидуализация речи, поступки героев, биография героев, их мировоззрение, оценочные высказывания в адрес героя от лица других персонажей.

2) Писательница изображает детей «стёртых» и «непривязанных», затрагивает в своих произведениях новые темы, навеянные ситуацией в стране на рубеже XX-XXI веков – разрушением института семьи, появлением новых болезней, морально-психологическим кризисом общества, разрозненностью людей и преобладанием индивидуалистических ценностей

в современном мире.

3) В своих произведениях Ек. Мурашова продолжает гуманистические традиции русской литературы.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём были отмечены средства создания образа ребёнка в повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции»; проанализированы основные детские образы произведений, выявлена их значимость для выражения художественных идей писательницы; повесть «Обратно он не придёт!» была сопоставлена с повестью В.Г. Короленко «Дети подземелья», были отмечены сходства и различия двух произведений; на основании сопоставления детских образов повести «Обратно он не придёт!» с повестью «Дети подземелья» были выявлены особенности проблематики произведения Ек. Мурашовой, обусловленные временем написания; в результате анализа детских образов в повестях «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции» были выявлены особенности изображения ребёнка в творчестве писательницы.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в том, что нам удалось выявить систему детских образов в повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции» и их функциональную значимость.

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях по литературе в школе и вузе.

Апробация исследования была проведена в ходе педагогической практики в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении города Тольятти «Школа № 90» на внеклассном мероприятии по литературе, а также в рамках «Студенческих Дней науки – 2018».

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего в себя 68 источников.

ГЛАВА 1. АКУТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА РЕБЁНКА И МИРА ДЕТСТВА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Образ ребёнка и детства, особенности изображения героев в детской литературе

Художественный образ – одна из самых многогранных литературоведческих категорий. В статье Е.И. Орловой «Виды образов в литературном произведении» понятие образа рассматривается в разных аспектах. Например, с точки зрения семиотики (науки о знаках и знаковых системах) «образ – это знак, средство смысловой коммуникации в культуре» [Орлова 2008: 39]. В других же аспектах понятие образа приобретает более глубокое значение: в гносеологическом аспекте образ – это часть идеального мира, схематический объект, способный объяснить устройство мироздания и его законы; в онтологическом – «изображение идеальных подобий мира, явление онтологических портретов» [Орлова 2008: 64], в данном аспекте образ исследует психологию человека, его сознание и менталитет.

Литературовед М.Л. Гаспаров определяет образ как «всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, т.е. потенциально каждое существительное...» [Гаспаров 1997]. В словаре литературных терминов М. Столяров называет художественный образ «поэтической наглядностью» и отмечает, что «образ переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, даёт нашей внутренней жизни излиться в предмет, охватить и пережить его изнутри, как часть нашей собственной души». М.Н. Эпштейн считает художественный образ особой категорией эстетики, а также определяет его как любое явление действительности, воссозданное в художественном произведении.

Одним из самых значимых образов в литературе является образ ребёнка и детства в целом. Образы детства, возникающие в произведениях художественной литературы, во все времена отражали важные стороны

социальной реальности – эпохи сменяют друг друга, а образ детства в русской и мировой культуре трансформируется.

И.С. Кон отметил следующие этапы трансформации образа ребёнка и детства в художественной культуре:

1) в эпоху классицизма: детство – отклонение от нормы (взрослого состояния);

2) в эпоху просвещения: детство – период становления личности, выполняющий функцию подготовки к жизни и не являющийся самостоятельным этапом (ребёнок в этот период, в первую очередь, объект воспитания);

3) в эпоху романтизма: ребёнок – обладатель максимума возможностей и перспектив, которые рассеиваются в процессе взросления; в эпоху романтизма изображение ребёнка не предполагало предварительного глубинного изучения детской психологии, поэтому образ ребёнка в этот период оторван от реальности, это некий миф, абстрактный идеал, а не живой человек;

4) в XIX веке, в эпоху реализма, образ ребёнка из абстрактного и идеального трансформируется в образ бедного, обездоленного существа, жертвы семейной и школьной тирании;

5) расцвет массовой детской литературы отмечается на рубеже XIX-XX веков, в этот же период происходит усложнение и обогащение граней образа ребёнка. В художественных произведениях изображаются уже не просто дети, а маленькие люди с собственными взглядами на жизнь и ярко выраженными особенностями характера.

Во всём многообразии сюжетов современной литературы о детстве, можно выделить три основных типа ситуаций, в которых главными героями являются дети:

1) восстановление справедливости, помощь слабым и угнетённым. Традиционные истоки таких сюжетов можно найти в фольклорных волшебных сказках. Отличие современной сказки заключается в том, что

роль борцов за справедливость теперь ложится на плечи детей, а не взрослых. Взрослые если и присутствуют в произведении, то демонстрируют полное бессилие или бездействие по отношению к несправедливости. У детей более чёткие представления о том, «как правильно», «как должно и не должно быть», они острее реагируют на нарушение справедливости и не боятся принимать решительные меры для её восстановления;

2) спасение мира. Перед нами уже не рядовое нарушение порядка, а глобальная угроза обществу или целому миру. В таких произведениях может присутствовать мотив пророчества о том, что спасение возможно только в том случае, если на помощь будут призваны дети, или же дети-герои могут самостоятельно «избрать» себя для этой миссии и действовать там, где взрослые опять-таки не могут справиться своими силами;

3) психологическое «спасение» взрослых. В такой ситуации дети выступают в роли избавителей взрослых от одиночества, обыденности взрослой жизни. Они помогают им увидеть то, что сами взрослые увидеть не могут, окунуться в мир детства, который взрослыми давно забыт, и напоминают им о том, что в душе взрослого человека всегда должен жить ребёнок с непосредственным и лёгким отношением к жизни, открытым и чутким сердцем и верой в чудеса. В роли детей-избавителей, как правило, выступают не собственные дети, а чужие.

В произведениях детской литературы часто отсутствует образ идеального взрослого. Советский психолог и автор оригинального направления в детской педагогической психологии Д.Б. Эльконин отмечает, что мир взрослых и социальные отношения, характерные для этого мира, всегда являлись для ребёнка той идеальной сферой, в которую он стремится войти; ребёнку свойственно подражать взрослым, и именно с отсутствием образца для подражания в лице взрослого психолог связывает современный кризис детства. Переходный этап из детства во взрослую жизнь перестаёт протекать должным образом из-за отсутствия «посредника» между этими мирами, а потому и в большинстве современных сказок и произведениях о

детях мы всё чаще наблюдаем отсутствие «идеальной формы» взрослости. Дети в таких произведениях самодостаточны, Они не нуждаются в наставнике, способны справиться со многими трудностями гораздо быстрее и лучше пассивных взрослых. Взрослые персонажи могут являться важными и значимыми людьми для ребёнка (например, это могут быть родители, учителя), но зачастую они оказываются слепы и глухи к детским проблемам, или же совершенно беспомощны перед ними. Те немногие взрослые, которые обладают могуществом и принимают активное участие в развитии сюжета, как правило, являются отрицательными персонажами и олицетворяют враждебные детям-героям силы. Однако и они в конечном счёте остаются побеждёнными находчивыми и смелыми детьми.

Дети из полных семей намного реже становятся главными героями сказок и произведений о детях, чем дети-сироты или дети из неблагополучных семей. Но даже если у героя имеются оба родителя и их семья на первый взгляд абсолютно благополучна, мы всё равно практически всегда сталкиваемся с мотивом глубокого одиночества детей. Ребёнок обделён вниманием и заботой родителей, он не чувствует поддержки своей семьи. Мотив сиротства встречается во многих древних народных сказках, а «отнимание» у ребёнка защиты в лице родителей, лишение социальных связей со взрослыми является одной из самых распространённых форм завязки в таких произведениях.

Немногочисленны произведения, в которых счастливого финала удавалось бы добиться совместными усилиями всех членов семьи, обычно дети действуют сами по себе, а взрослые – либо сами по себе, либо вообще находятся за рамками действия. Все приключения детей в таких произведениях происходят без участия их семьи. Родителям, как правило, не сообщается о происходящем, а если они и узнают о какой-то проблеме или волшебном приключении, то считают это выдумкой своих детей и не воспринимают их слова всерьёз. Иногда роль семьи в сюжете ограничивается одним лишь упоминанием о её наличии.

В основе сюжетов традиционной волшебной сказки обычно находился обряд инициации («переход на более зрелую возрастную ступень» [Кон 1988], то есть, переход к более совершенному образу жизни). В современных произведениях детской литературы сохраняются основные этапы традиционной схемы развития сюжета (переход из реального мира в волшебный, прохождение определённых испытаний, преодоление трудностей, встреча с антагонистом, сражение и победа над ним, возвращение домой), однако ход инициационного обряда часто нарушается (взросление героя, его переход на новую ступень жизни не происходит). В традиционной сказке обряд инициации приводит к реальному взрослению героя, он женится/выходит замуж, занимает престол, а в современной – продолжает оставаться ребёнком. Взросление в системе современных произведений детской литературы рассматривается не как приобретение высшего статуса (несмотря на то, что стремление «приобщиться к жизни и деятельности взрослых» является «важной особенностью социальной ситуации развития подростка» [Бестужев-Лада 1999: 169]), а как утрата того волшебства, чудес и интересных приключений, которые присущи миру детства. Детство считается самым прекрасным этапом жизни, в котором человек стремится задержаться как можно дольше.

С давних времён детская литература учитывала социальное неравенство детей, представляя его на начальном этапе оппозицией богатый – бедный ребёнок. Богатый ребёнок, как правило, являлся положительным персонажем просто потому, что был послушным и не делал ничего плохого. Бедный же ребёнок зачастую изображался благороднее, смекалистее, отзывчивей дворянского мальчишки: он вытаскивал маленького дворянина из воды, приходил на помощь в трудную минуту и был способен на высокие чувства.

С развитием детской литературы традиционное для неё противопоставление «добродетельный – порочный» трансформируется в антитезу: «чувствительный – холодный». Это новое понимание образа

ребёнка легло в основу романтической концепции детства и уже к середине XIX века нашло отражение не только в детской литературе, но и в более серьёзных произведениях «большой» литературы. Детство изображается как пора чистоты и невинности, ребёнок представляется нравственнее и честнее взрослых.

Главными героями современных произведений детской литературы, как правило, являются дети, сверстники юных читателей, для которых эти произведения написаны. Дети-герои наделяются волшебными или просто уникальными свойствами – невероятной силой, крайней самостоятельностью, находчивостью. Перед юным читателем предстаёт на первый взгляд совершенно обыкновенный ребёнок, такой же, как он сам, однако по ходу повествования в нём проявляется ряд качеств и свойств, доказывающих его необычность, особенность.

Выбор писателем в качестве главных героев своего произведения сверстников юного читателя позволяет решить две главные задачи детской литературы:

- 1) обеспечение занимательности;
- 2) организация педагогической составляющей произведения (юные читатели проникаются приключениями главных героев, находят друзей в их лице, легко представляют себя на их месте, что позволяет донести до ребёнка определённые этические нормы, избежав скучных нравоучений).

Немаловажную роль играет выбор рассказчика в произведениях для детей. Как правило, рассказчиком становится сам главный герой. Л.Н. Колесова в своих исследованиях связывает это, прежде всего, с желанием писателя уйти в тень, чтобы позволить читателю установить предельно доверительные отношения с героем.

Помимо этого, повествование от лица героя выполняет ещё две функции:

- 1) характеристика персонажа: герой раскрывается непосредственно, выражает своё отношение к происходящему и к другим героям напрямую;

2) отображение действительности: читатель видит мир глазами ребёнка, перед взрослыми читателями открывается другая, непривычная для них, реальность, в которой то, что им кажется неправильным и невозможным, оказывается совершенно естественным, а то, что является привычным и абсолютно нормальным для них, вызывает недоумение у юного героя-рассказчика.

Следовательно, утверждается определённая система ценностей, которая отличается от той, которой люди привыкли пользоваться в повседневной жизни. Герой-рассказчик становится проводником авторских идеалов, становится для читателя одновременно и другом, и наставником, воспитывающим юного читателя в духе важнейших человеческих ценностей.

Таким образом, изучение закономерностей изображения ребёнка и мира детства в детской литературе позволило сделать следующие выводы:

1) Образы детства в художественной литературе отражают социальные реалии той или иной эпохи.

2) Обычно дети в произведениях выступают как спасатели или помощники. Они спасают мир от катастрофы, взрослых от их проблем, помогают слабым, восстанавливают справедливость.

3) В произведениях детской литературы, как правило, отсутствует образ идеального взрослого, ребёнок самостоятелен, а взрослые персонажи не получают достаточного развития в сюжете.

4) Детство изображается как особый период жизни, когда с человеком могут происходить чудеса, когда он способен сочувствовать, сопереживать всему живому, а взросление изображается как процесс утраты волшебства и приключений, присущих миру детства.

5) Главными героями в произведениях о детях обычно становятся сверстники юных читателей, а повествование ведётся от первого лица, что позволяет решить несколько задач писателя: вызвать у ребёнка сопереживание герою, вплести в ткань повествования и утвердить в сознании

ребёнка определённую систему ценностей, показать взрослым такой интересный, но такой непонятный им мир детства.

Тема детства является предметом художественного изображения не только в сказках и произведениях о волшебных приключениях детей, но также и во многих произведениях реализма. В следующем параграфе мы рассмотрим, как изображали мир детства в своём творчестве русские классики.

1.2. Мир детства в русской классической литературе

Интерес к проблеме детства, выбор ребёнка в качестве главного героя художественного произведения, признание темы детства достойной внимания, а самого ребёнка – героем, способным вызвать отклик в душе читателя, – такие тенденции развития русской литературы намечаются уже в XVIII веке. Однако детство ещё не осознаётся как самоценный мир, ребёнок в этот период, прежде всего, является объектом воспитания, а с появлением книг для детей возникает и усиленное стремление общества влиять на интеллектуальное развитие ребёнка, формировать его гражданское мировоззрение.

В первой половине XIX века А. Погорельский в фантастической повести-сказке «Чёрная курица, или Подземные жители» предпринимает попытку раскрыть неизведанный детский мир, по словам И.Н. Арзамасцевой, *«показать богатство душевного мира ребёнка, его самостоятельность в определении добра и зла»*. [Арзамасцева 2008:147] Известно, что последние годы своей жизни писатель провёл в своём небольшом имении Погорельцы, где занимался литературным творчеством и воспитывал племянника Алёшу – будущего известного писателя А.К. Толстого. Ему А. Погорельский и рассказал знаменитую историю, которая позже стала классикой детской литературы. Писатель стремился передать мальчику впечатления собственного детства, проведённого в петербургском пансионе, но главным в

повести-сказке «Чёрная курица, или Подземные жители» является внимание к формированию характера ребёнка, его психологическим особенностям.

Романтик А.Погорельский, создавая образ юного героя повести, выступил как реалист. Мальчик Алёша изображен как психологически убедительный, живой ребёнок. Писателю удалось одному из первых в русской литературе подчинить педагогическую задачу художественному вымыслу. На примере поступков Алёши автор наглядно показал юному читателю, что хорошо, а что плохо. А. Погорельский смело, но чутко раскрывает читателям хрупкий детский мир, отражая в художественном произведении не только его достоинства, но и недостатки.

Образ Алёши открыл целую галерею детских образов, которые позже будут созданы в автобиографических повестях Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Н.М. Гарина-Михайловского, в произведениях писателей XX века (А.Н. Толстого, М. Горького и многих других). А. Погорельский привнёс в литературу мысль о том, что ребёнок способен легко переходить из мира фантазий в мир сложных чувств и ответственности за свои поступки, ставшую впоследствии одной из ведущих идей в произведениях русских писателей о мире детства.

Также писатель своей повестью «Чёрная курица, или Подземные жители» положил начало формированию языка отечественной детской литературы. Писатель воспроизвёл чувства и мысли ребёнка *«через подражание его речи, зафиксированной во внутреннем монологе»* [Арзамасцева 2008: 50].

Но подлинным открытием мира детства в русской литературе, по мнению Е.Е. Диановой, стала автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Л.Н. Толстой показал всю многогранность чувств маленького героя, дал подробную характеристику эмоциям ребёнка как *«основным стимулам поведения»* [Дианова 1996: 89]. В своих произведениях Л.Н. Толстой прибегает к психологии и педагогике для раскрытия образа ребёнка, показывает тонкость и чуткость в восприятии

мира маленького человека, наделяет его способностью к самоанализу. По мнению Е.Л. Черкашиной, новаторство Л.Н. Толстого заключается в выдвинутой им идее свободы воспитания и образования ребёнка. Писатель считал, что нельзя быть равнодушным к миру ребёнка, иначе не сможешь в него войти и правильно понять. Л.Н. Толстой отвергает насилие, унижение, подавление воли ребёнка как средства воспитания. Правильным и самым эффективным видом воспитания он называет домашнее, материнское. Обучение должно основываться на интересе ребёнка как к реальному миру, так и к миру фантазий, а иначе, по мнению писателя, оно принесёт только вред, сделает ребёнка *«умственным калекой»*.

Л.Н. Толстой ставил перед собой задачу исследовать человеческую душу от самых истоков, когда задумывал в 1850 году, в возрасте двадцати трёх лет, роман «Четыре эпохи развития» («Детство», «Отрочество», «Юность» и «Молодость»). Писатель понимал, что воспитание человеческой души начинается с самого раннего детства и что только обратившись к той поре жизни человека, когда его чувства и мысли ещё не скованы различного рода условностями, можно сказать, что есть этот человек.

И.Г. Добрицкая в своей работе «Произведения о детях в русской литературе XIX века» отмечает наличие психологизма также во многих других рассказах Л.Н. Толстого, написанных для юных читателей (например, «Косточка», «Котёнок», «Подкидыш», «Пожар» и др.). В своих произведениях русский классик реализует концепцию «детство – золотая пора жизни», перед нами предстаёт «идеальный» герой, нравственно превосходящий взрослых персонажей. Создавая образ ребёнка, Л.Н. Толстой использует средства динамического психологизма – внутреннее состояние персонажа передаётся путём описания его мимики, движения, жестов.

Похожая концепция детства встречается в произведениях С.Т. Аксакова. И.Г. Добрицкая отмечает, что С.Т. Аксаков внёс существенный вклад в осознание самоценности детства и в развитие образа ребёнка в художественной литературе. Характерной особенностью творчества С.Т.

Аксакова стало отражение в художественном произведении всей многогранности детских эмоций. Писатель стремился передать чувства маленького героя во всей их полноте: от удивления, смущения, радости до стыда, злости, гнева. В своей повести «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксаков показал историю формирования детской души, отметил важность среды, в которой живёт ребёнок в первые годы своей жизни. Через всё повествование проходит мысль о том, что *«для благополучного развития ребёнка, обогащения его сердца и ума необходимо создание обстановки психологического комфорта, атмосферы любви и заботы о маленьком человеке»* [Добрицкая 2013: 31]. Невнимание к внутреннему миру ребёнка, физическое и моральное насилие в семье, отсутствие взаимопонимания между ребёнком и его родителями, нежелание заниматься воспитанием ребёнка – всё это осуждается во многих произведениях таких писателей как И.С. Тургенев, А.П. Чехов, В.Г. Короленко.

Согласно исследованиям Ф.И. Сетина, новые аспекты в раскрытии темы детства связаны с творчеством Ф.М. Достоевского. Писатель создаёт реалистичный образ ребёнка – невинной жертвы социального зла. Новаторство автора выразилось в осмыслении ребёнка в возвышенном, символическом плане. Автор в своих произведениях создаёт «трудные» детские характеры, показывает, как на них отражаются переломные моменты, раскрывает многослойность детской личности в нравственно-этической напряжённости конфликтов. Ребёнок в творчестве Ф.М. Достоевского – существо «другой природы», которое наделено способностью отличать добро от зла, правду от лжи. Он обладает полномочиями выступать в роли некоего судьи, проповедника авторских идей и взглядов. *«Дети странный народ, они снятся и мерещатся»*, – так начинается рассказ «Мальчик у Христа на ёлке». Увидеть ребёнка для героев Ф.М. Достоевского всегда означает наступление момента истины (например, сон Раскольникова в романе «Преступление и наказание» о страшном эпизоде из детства или его реальные встречи с детьми).

Ф.М. Достоевский высоко ценил детство, трепетно относился к данной теме и всегда оставался правдив в изображении детских характеров. Часто писатель изображал в своих произведениях трудных детей в переломные моменты их жизни, которые обнажали основу личности ребёнка, писал он и о тех, кто встал на криминальный путь. Ф.М. Достоевский всегда указывал на вину взрослых за проступки детей, напоминая об ответственности, которую несёт общество перед маленьким человеком. Силой художественного реализма русский писатель напоминает читателю забытые им тайны детства. Оказывается, что ребёнок, как и взрослый, способен любить и испытывать чувство ненависти, верить и разуверяться, что его сердце замыкается, когда испытывает боль, и ребёнок по-своему определяет причины этой боли. Реализм Ф.М. Достоевского показывает, что взрослому нужно всегда быть внимательным к миру ребёнка, проявлять чуткость, чтобы не нарушить целомудренной тайны ребёнка и все же помочь ему. Писатель показывает, что *«путь ребёнка тернист, и тернии эти опасны тем, что незаметны для взрослых»* [Арзамасцева 2008: 39].

Каждый писатель, который в своём творчестве касается темы детства, старается показать особый, такой странный для взрослых детский взгляд на мир. Г.И. Добрицкая в своих работах уделяет особое внимание рассказам А.П. Чехова. В своих рассказах (например, «Дома», «Кухарка женится», «Гриша», «Детвора», «Событие»), отмечает Г.И. Добрицкая, писатель глубоко раскрыл психологические особенности детей малого, «светлого» возраста такие как эмоциональная подвижность, наивность. В рассказах А.П. Чехова образы индивидуализированы, раскрыты в их психологической и возрастной особенностях. На страницах своих произведений автор также уделяет внимание раскрытию сложной диалектики взаимоотношений взрослого и ребёнка, исследует стереотипы поведения взрослых в детском образе мышления.

В XX веке намечаются новые тенденции в развитии русской литературы. Уже в 90-е годы XIX века заговорили о кризисе реализма, в

обществе возникает чувство катастрофизма времени, завершённости культуры. Формируется новое мироощущение: осознание исчерпанности, завершённости прошлого, ощущение неизбежности социального кризиса, «чрезвычайности» времени, необходимости смены ценностей. Именно в этот переломный период в произведениях детской литературы появляются новые темы.

Ряд писателей обратились к проблеме неблагоприятных социальных обстоятельств в жизни ребёнка. Первой русской литературной фигурой, которая предприняла попытку свергнуть концепцию «детство – золотая пора» Л.Н. Толстого, стал М. Горький. Он предложил совершенно иную модель «правильного» детства. В произведениях М. Горького детство – сложная и несчастная пора, потому что именно ранние невзгоды в жизни вызывают у человека желание менять мир к лучшему.

И.Г. Добрицкая отмечает, что произведения таких авторов как М. Горький, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.С. Серафимович объединены интересом к изображению условий жизни и труда ребёнка. В их произведениях поднимается «тема обездоленного детства («Дед Архип и Ленка», «Страсти-мордасти» А.М. Горького), детского каторжного труда («В каменном колодце» Д.Н. Мамина-Сибиряка), противостояния мира бедных и богатых («Белый пудель» А.И. Куприна, «Вертел» Д.Н. Мамина-Сибиряка)» [Добрицкая 2013:40].

Одним из писателей, обратившихся к теме тяжёлого детства, стал В.Г. Короленко. Его повесть «Дети подземелья», или «В дурном обществе», как она была названа во взрослых изданиях, прочно вошла в список величайших произведений детской классической литературы. В.Г. Короленко сталкивает главного героя своего произведения Васю с другой стороной жизни, где люди бывают никому не нужными, где им приходится просить милостыню, чтобы хоть как-то выжить. Писатель показывает в повести не только материальную, но и духовную нищету человека. Он делает маленького Васю

единственным сострадальцем, тем самым показывая человеческую состоятельность «дурного общества» и, главное, детей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что тема детства прочно вошла в русскую литературу. Во многих произведениях современной литературы о детстве поднимается проблема одиночества, социального неравенства, сиротства, воспитания, школьного образования. Тема детства неразрывно связана и с социальной проблематикой.

В русской классической литературе рассказ о частной истории одной детской личности сочетается с обобщающими размышлениями об особенностях детской души в целом, взрослении, проблемах, возникающих в связи с этим. При создании произведений о детях русские писатели обращаются к ярким живым описаниям родной природы, используют различные пласты великого и могучего русского языка, создавая тем самым неповторимый национальный колорит.

1.3. Творчество Ек. Мурашовой в работах критиков и литературоведов

Как уже было отмечено ранее, одной из основных характеристик детской литературы является наличие социальной проблематики. Социальная проблематика всегда существовала в отечественной детской литературе и, также как и образ ребёнка в художественном произведении, имеет свою историю развития. Начиная с XIX века, в литературе распространяется такое направление как реализм. Детские авторы в своих произведениях стремятся изобразить жизнь как можно более реалистично, но социальная тематика в это время в основном сводится лишь к проблеме богатых и бедных детей, а на первый план выдвигается проблематика нравственная. Но уже в XX веке социальная проблематика становится одной из основных в отечественной литературе.

После событий октября 1917 года детская литература была проникнута пафосом борьбы за победу социализма, основной её целью было трудовое воспитание достойного гражданина советского общества. В эти годы литературе не удавалось избежать морализаторства и пропаганды, но постепенно стали затрагиваться такие проблемы как сиротство, семейные конфликты, война, беспризорничество, взаимоотношения человека с обществом, национальная самоидентификация, расовая дискриминация, преступность.

И. Лупанова в книге «Полвека: советская детская литература 1917–1967» подробно описывает процесс развития детской литературы XX века. Автор отмечает, что уже в 1940-1950-е годы тема несчастного детства всё чаще освещается на страницах советских произведений. Причинами трудной судьбы ребёнка в данных произведениях становится непонимание в семье, плохое воспитание или влияние взрослых. В эти годы были написаны такие произведения как «Дальнее плавание» А. Мусатова (1946), «На тихой улице» (1954) Л. Карелина, «Сирота» (1955) Н. Дубова, «Старшая сестра» (1955) Л.Ф. Воронкова.

Во второй половине 1950-х и в начале 1960-х в книгах для детей и подростков появляется идея воспитания жизнью, всё больше внимания уделяется проблеме взаимоотношений детского и взрослого миров, авторами всё больше осознаётся важность внимания к ребёнку, к тому, как и чем он живёт вне школы. В этот период создаются следующие произведения: «Честное комсомольское» (1960) А. Кузнецовой, «Приключения Кроша» (1962) А. Рыбакова, «Витя Малеев в школе и дома», (1951) Н. Носова, «С тобой товарищи» М.П. Прилежаевой. Целью детской книги, помимо воспитания ребёнка, в 1960-е годы становится также и воспитание взрослых. Особое внимание уделяется отношениям в семье, писатели в своих произведениях стараются показать, как отражаются на ребёнке конфликты в семье («Станция “Мальчики”» (1962) Ю. Яковлева, «Последний рассказ» (1960) и «Ожидание» (1963) Р. Погодина). Постепенно в советских

произведениях школа утрачивает свою воспитательную мощь, большее влияние на ребёнка теперь оказывает улица и его окружение: «На тихой улице» (1954) Л. Карелина, «В трудном походе» (1956) Л. Кабо и другие.

Круг проблем, освещаемых в произведениях для детей и подростков, в последние десятилетия заметно расширился. Рубеж XX-XXI веков ознаменовался распространением таких социальных проблем как новые детские болезни, детский алкоголизм, наркомания, курение, насилие в семье, педофилия и другие. Игнорирование данных социальных явлений для современной подростковой литературы оказалось невозможным. Перед современными авторами встала непростая задача «поговорить» с подростком о данных проблемах на страницах своих книг и при этом постараться не потерять художественную ценность литературного произведения, избежать ярко выраженной назидательности и морализаторства. Данную задачу решает в своих произведениях Ек. Мурашова.

В последние годы творчество Ек. Мурашовой всё больше обращает на себя внимание исследователей. В девятом выпуске сборника «Конструируя детское. Филология. История. Антропология» была опубликована статья М.А. Черняк «Дети и детство как социокультурный феномен: опыт прочтения новейшей прозы XXI века», в которой автор рассматривает повесть Ек. Мурашовой «Класс коррекции» как пример современной подростковой литературы, поражающей жестокой правдивостью и раскрывающей перед читателями проблемы не только современной школы, но и современного мира. *«Школа как макромир показана Е. Мурашовой... с предельной откровенностью. Страшным и больным становится мир взрослых, а не мир по-настоящему больных детей»* [Черняк 2011: 54], – пишет автор статьи. Однако исследовательница приходит к выводу, что данная повесть является оптимистическим произведением, так как ребята, несмотря на физическую неполноценность, жестокость, низкий социальный статус, всё же познают значения слов «милосердие», «дружба», «добро», что даёт надежду на возможность познания вечных истин и современным

обществом, о необходимости коррекции которого, по мнению исследовательницы, Ек. Мурашова хотела сказать в своём произведении.

В статье другого исследователя детской литературы Э.П. Хомич отмечен терапевтический потенциал повести «Класс коррекции». Исследуя функции новейшей детской литературы, Э.П. Хомич, прежде всего, выделяет берегающую, охранную функцию таких произведений, как повесть Ек. Мурашовой, которая не только указывает на болевые точки общества, но также *«направлена на воспитание и сохранность детского гедонистического мировосприятия»*[Хомич: 252]

В книгах Ек. Мурашовой акцентируется внимание на детях отверженных, героем её книг традиционно становится ребёнок-изгой. Е.О. Матвеева в своей статье «Образ трагического детства в современной русской литературе» делает попытку обосновать причины актуализации темы отверженных детей в произведениях последних десятилетий. Автор статьи отмечает, что обращение прозаиков к теме несчастного детства является своеобразной попыткой современных авторов понять, как пережитые в ранние годы несчастья влияют на характер и самоопределение человека, на его взаимоотношения с другими людьми. Особое внимание в своей статье Е.О. Матвеева обращает на творчество Ек. Мурашовой, так как данная писательница, являющаяся также детским и семейным психологом, лучше других современных авторов понимает, что корни проблем как отдельно взятого человека, так и общества в целом кроются в детстве. Полоса отчуждения, которая сегодня образовалась между неблагополучными детьми и взрослым миром, завтра станет причиной социальных конфликтов, агрессии, жестокости, которые будут оказывать влияние на атмосферу во всём социуме, и об этом, по мнению исследовательницы, Ек. Мурашова пытается предупредить читателя на страницах своих произведений.

В книге Ек. Мурашовой «Ваш непонятный ребёнок» писательница *«утверждает гуманистическую идею ответственности взрослых за драматические катаклизмы, омрачающие первые годы ребёнка»* [Матвеева

2014: 46]. Эта же мысль красной нитью проходит через всё творчество писательницы. Обращаясь к повести «Класс коррекции», Е.О. Матвеева, как и другие исследователи, отмечает, что в произведении показан нравственный и этический упадок общества, в котором люди, обладающие здоровьем и определённым достатком, без долгих размышлений наделяют себя правом выносить десяткам детей суровый приговор, лишая их социальных перспектив, объявляя их безнадёжными, с ранних лет воспитывая их изолировано от детей, которым просто повезло родиться здоровыми и в обеспеченной семье. Подобная сегрегация является показателем жестокости взрослых, ведь некоторые дети, оказавшиеся в классе, на котором изначально поставили крест, не уступают благополучным сверстникам ни в умственном, ни в нравственном плане, *«просто им не повезло с родителями, с обществом, с системой моральных координат, определяющих вектор поступков их наставников...»* [Матвеева 2014: 47].

Далеко не все российские исследователи и критики положительно оценивают творчество Ек. Мурашовой, несмотря на широкое международное признание писательницы. Например, М. Каменецкая считает прозу Ек. Мурашовой старомодной, проникнутой *«ненужной педагогичностью»* и *«притворной патетикой»* [Каменецкая 2010], а такие авторы как Т. Фролова, Д. Трученков, Н. Дубина придерживаются амбивалентной позиции и, с одной стороны, хвалят писательницу за раскрытие важных и трудных тем, а с другой – скептически относятся к присутствию в её произведениях фантастических элементов и обвиняют Ек. Мурашову в подмене жизненных проблем *«фантастикой и утопией альтернативных миров»* [Рудова 2014: 205].

Наиболее негативную оценку творчество Ек. Мурашовой получает в работах критика О. Метелкиной. В статье «О двух повестях Екатерины Мурашовой» О. Метелкина называет повесть «Класс коррекции» «опасной» книгой для детского чтения, не одобряет тот факт, что в произведении отсутствует авторская позиция (следовательно, дано

«молчаливое одобрение происходящего»), и тот факт, что писательница вместо того, чтобы показать возможные пути решения проблемы в реальном мире, уводит читателя в мир фантастический. Она пишет: *«Такой подход не может удовлетворить никого. Ни тех, кто ратует за радикальные меры в области социальных преобразований, ни тех даже, кто «милосердно» попускает мечтать, чтобы отвлечься от проблем, решить которые в реальной жизни всё равно никогда не удастся. Мир иллюзий опасен уже тем, что, затуманивая сознание, выбивает и без того нетвёрдую почву из-под ног»* [Метелкина 2011: 153].

Данную точку зрения опровергает Л. Рудова в статье «Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции»», в которой подчёркивает, что именно фантастические элементы создают в произведении мир, позволяющий героям психологически и социально развиваться. Использование фантастических элементов, по мнению автора статьи, не является в повести простым сюжетообразующим приёмом, помогающим писательнице «затуманить» сознание читателя, а наоборот позволяет Ек. Мурашовой «обострить» свой идеологический посыл, *«бросить вызов авторитарному и обособленческому менталитету инсайдеров по отношению к детям-аутсайдерам»* [Рудова 2014: 205].

Литературная фантастика не может быть совсем оторвана от реальности, форма фантастического в произведении определяется отношением автора к тем или иным реалиям жизни. В контексте повести «Класс коррекции» литературная фантастика выступает как «литература желанного» и указывает на те жизненные аспекты, которые противоречат системе школьных правил и ценностей, принятых в данном обществе. Побег учеников «класса коррекции» в фантастический мир расценивается автором статьи как выражение протеста против социальных норм, присущих современному подросткам обществу. Путешествие персонажей в фантастический мир помогает им повзрослеть, научиться принимать

правильные решения, способствует нравственной эволюции каждого из героев. Введение в сюжет реального и фантастического хронотопа позволяет реализовать оппозицию добра и зла в произведении, способствует рефлексии персонажей о природе реального и нереального, стимулирует «диалогическое и полемическое самосознание и самоутверждение» героя, а вместе с ним и читателя. Таким образом, Л. Рудова, вступая в своей статье в полемику с О. Метелкиной, доказывает, что фантастика в повести способствует усилению социальной критики Ек. Мурашовой, а пребывание персонажей в фантастическом мире оказывает на них терапевтический эффект.

О.Н. Мязтос статье «Конфликт «отцов и детей»: для кого пишут детские книги и кто их читает?» говорит о том, что многие произведения современной детской литературы адресованы не только детям, но и взрослым, то есть становятся «литературой в два адреса», вследствие чего теряют некоторые из традиционных характеристик. Теперь ряд авторов, затрагивающих в своих произведениях острые социальные проблемы, вынуждены отказаться, например, от характерного для детской литературы счастливого финала, чтобы «не покривить против правды жизни», так как далеко не каждая проблема в реальной жизни имеет благополучное решение. О.Н. Мязтос, однако, отмечает стремление авторов показать альтернативное оптимистичное решение поднимаемой ими проблемы, несмотря на понимание того, что счастливый финал в данной ситуации невозможен. По мнению О.Н. Мязтос, Ек. Мурашова использует в своих произведениях фантастические элементы для того, чтобы дети, для которых благополучный исход мыслится как невозможный, не теряли веру в лучшее и продолжали бороться за своё счастье.

Ек. Мурашова, в отличие от советских писателей, которые старались избегать подобных тем, в своих произведениях обращает особое внимание на детей с ограниченными возможностями. Писательница пересматривает конструкт героя и героизма в детской литературе, отвергает принятые

понятия «нормы» и «нормальности». Л. Рудова в статье «Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды)» подчёркивает, что произведения Ек. Мурашовой всё же пронизаны отсылками к советской литературе, ностальгией по советскому. Л. Рудова выделяет в творчестве писательницы произведения «Класс коррекции», «Гвардия тревоги» и «Одно чудо на всю жизнь» и отмечает, что в данных произведениях Ек. Мурашова пытается возродить *«гайдаровскую коллективистскую модель взаимоотношений между героями»* [Рудова 2014: 94].

Писательница изображает своих персонажей в период формирования новой социально-экономической и духовной культуры. Начало XXI века в России характеризуется социологами как период сознания людьми невозможности повлиять на что-либо, приводящей к отчуждённости русского народа. Крайний индивидуализм и материализм приходит на смену советской идеи коллективности, вследствие чего человек больше не может рассчитывать на поддержку вне круга своих родных. Роман Ек. Мурашовой «Гвардия тревоги» становится своеобразным протестом сложившемуся в обществе культу потребления и всё нарастающему социальному неравенству. Если гайдаровскими тимуровцами двигали те же утопические идеи, которые лежали в основе советского государства, то гвардия тревоги в произведении Ек. Мурашовой, напротив, противопоставляет себя циничной идеологии современного государства, *«поддерживающего патернализм, социальную апатию и потребительский менталитет»* [Рудова 2014: 96]. Писательница показывает возможные пути развития нового гражданского сознания русского человека.

Лидерскими качествами Ек. Мурашова наделяет маргинального мальчика-инвалида Берта, чем снова бросает вызов сложившимся представлениям о герое и героизме в детской литературе. Большая заслуга писательницы, по мнению Л. Рудовой, заключается в том, что она *«даёт право на существование ненормативным героям с нетрадиционным типом*

маскулинности и таким образом предлагает новые ролевые модели для подростков-читателей» [Рудова 2014: 98]. Л. Рудова отмечает, однако, что, несмотря на предложенный Ек. Мурашовой новый конструкт героя, которым теперь могут являться и дети с ограниченными физическими возможностями, которые в советской культуре приравнивались к «гражданам второго сорта» [Суковатая 2012: 91], героизм в её произведениях не присущ женским персонажам, а, следовательно, чтение её романов «закрепляет у читателя модель бинарных гендерных отношений, в которых женские персонажи остаются на втором плане» [Рудова 2014: 98].

В статье «Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика» В. Чарская-Бойко и М. Иванкива особо отмечают произведения Ек. Мурашовой, а саму писательницу характеризуют как одного из немногих писателей, затрагивающих острые социальные проблемы, которые в обычной жизни взрослыми принято замалчивать. Авторы статьи подчёркивают, что герои Ек. Мурашовой живут в разрозненном обществе, разделённом, как правило, по материальному положению и социальному статусу.

Ранее нами уже было отмечено, что некоторые критики скептически относятся к творчеству Ек. Мурашовой, обвиняют в отсутствии авторской позиции в её книгах, которое приводит, по мнению критиков, к расшатанности морали данных произведений. В. Чарская-Бойко и М. Иванкива указывают на ошибочность таких суждений. По мнению авторов статьи, Ек. Мурашова в своих произведениях старается быть максимально объективной, писательница делает нечто большее, чем просто осуждает тех или иных персонажей. Она обращает внимание читателя на сами проблемы, существующие в современном обществе, на ребёнка, помещённого в самую гущу событий и оставшегося с ними один на один. В повести «Класс коррекции» представлена целая галерея образов несчастных детей (в произведении поднимаются проблемы детского алкоголизма, домашнего насилия, отсутствия у родителей любви к своим детям и многие другие).

Часто критики отмечают слабую прорисованность фантастического мира в повести «Класс коррекции». Однако В. Чарская-Бойко и М. Иванкива выступают в защиту писательницы, аргументируя свою позицию тем, что параллельный мир, в который попадают ученики 7 «Е» класса, является сознанием героев, в котором происходит сложный процесс самопознания детей, осмысления всего происходящего, поиска выхода из сложившейся ситуации. В книге «Гвардия тревоги», написанной в 2008 году, герои Ек. Мурашовой находят поддержку уже не в фантастике, а в технологии, но, главное, что также, как и в предыдущем произведении, они находят её друг в друге.

Говоря о художественной составляющей повести «Класс коррекции», В. Чарская-Бойко и М. Иванкива признают, что повесть далека от совершенства – образы и ситуации слишком типизированы, попытка максимально точно воспроизвести речь персонажей не всегда удачна, но в плане содержательности повесть была оценена авторами статьи «Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика» как вполне достойное произведение, автор которого стремится поговорить с теми подростками, от которых отвернулись взрослые, и показать им, что выход есть всегда. Многие критики отмечают, что Ек. Мурашова в своих произведениях не предлагает никакого решения поднимаемых проблем, но, по мнению В.Чарской-Бойко и М. Иванкива, это утверждение не совсем верно, так как отверженные герои её произведений, дети-изгои, всё же оказываются вместе достаточно сильны, чтобы самостоятельно противостоять злу.

В статье «Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи» О. Бухина и А. Лану обращают внимание на то, что Ек. Мурашова не только создаёт произведения для детей и о детях, а также часто выступает в средствах массовой информации по вопросам, связанным с подростками. Авторы статьи отмечают, что

писательницу в первую очередь волнует судьба реальных детей, а не литературных персонажей. Её герои часто оказываются в довольно трудных жизненных обстоятельствах, вызванных социальными сдвигами в обществе, но автор стремится найти для них выход, несмотря на кажущуюся безысходность положения. Детям в её произведениях, как правило, не удаётся найти свою социальную нишу, но и в «Классе коррекции», и в «Одном чуде на всю жизнь» в финале присутствует мотив обретения спокойствия, дающий надежду на возможные перемены.

На страницах книг Ек. Мурашовой мы встречаем немало несчастных детей, однако писательница не предлагает окончательного решения их проблем, особенно таких, как заброшенность, сиротство, беспризорничество. *«В своих романах она фиксирует кризис семьи и отсутствие механизмов, с помощью которых общество могло бы разрешить данную проблему. Ситуация детей-сирот служит зеркалом, в котором отражается кризис общества»* [Бухина, Лану 2015: 31]. По мнению О. Бухиной и А. Лану, произведения Ек. Мурашовой значительно отличаются от книг других авторов тем, что писательница показывает возможные решения проблем детей исключительно в фантастическом мире, подчёркивая тем самым невозможность их решения в мире реальном.

В статье отмечено, что Ек. Мурашова часто наделяет положительными качествами на первый взгляд абсолютно не привлекательных персонажей (например, Генка из романа «Одно чудо на всю жизнь» становится источником братской любви и заботы, Васька из повести «Обратно он не придёт!» заботится о Жеке и т. д.). Также во многих произведениях писательницы встречается мотив двух миров, находящихся в оппозиции (в повести «Класс коррекции» – реальный и фантастический мир; в повести «Обратно он не придёт!» – мир, в котором живёт Оля, и мир «полосы отчуждения»; в романе «Одно чудо на всю жизнь» – мир интеллигентных детей из обеспеченных семей и мир беспризорников, живущих в пригородной зоне).

От произведения к произведению оптимистический настрой Ек. Мурашовой нарастает, достигнув апогея в книге «Гвардия тревоги», названной О. Бухиной и А. Лану «наиболее «гайдаровской» её книгой». Аллюзиям на творчество А.П. Гайдара и отсылкам к советскому прошлому в книгах Ек. Мурашовой исследовательницы уделяют в своей работе особое внимание. Они подчёркивают, что таким образом писательница хочет показать преемственность между своими произведениями и классической советской литературой, *«однако оптимизму Мурашовой недостаёт серьёзности оптимизма Гайдара, у Мурашовой всё время чувствуется иронический подтекст»* [Бухина, Лану 2015: 35], так как оптимистический финал в её книгах обеспечивается при помощи фантастического мира. С другой стороны, книги Ек. Мурашовой стремятся отгородиться от советской идеологии, заявляют об её несостоятельности. О. Бухина и А. Лану приходят к выводу, что творчество писательницы *«встраивается в традицию советского «сиротского нарратива» в качестве, фигурально выражаясь, его «последнего вагона», но вместо идеологии писательница предлагает возврат к общечеловеческим ценностям»*[Бухина, Лану 2015: 35].

Таким образом, рассмотрение основных работ о творчестве Ек. Мурашовой позволило сделать нам следующие выводы:

1) Писательница поднимает острые социальные проблемы, герои её книг живут в разделённом по материальному положению и социальному статусу обществе.

2) Обращаясь в своих произведениях к детской тематике, Ек. Мурашова обличает пороки общества в целом, раскрывает читателю проблемы современного мира.

3) Ответственность за ранние невзгоды детей Ек. Мурашова возлагает на равнодушных взрослых, которым нет дела до заботы о своих и чужих детях.

4) Фантастический хронотоп в повести «Класс коррекции» разными исследователями рассматривается то как попытка автора увести читателя в

параллельный мир от решения проблем в мире реальном, то как элемент глубочайшего психологизма.

5) Особое внимание писательница уделяет детям с ограниченными возможностями, делает их главными героями произведений.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТЯХ ЕК. МУРАШОВОЙ «ОБРАТНО ОН НЕ ПРИДЁТ!» И «КЛАСС КОРРЕКЦИИ»

2.1. Система образов в повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!»

Русская литература по своей природе всегда была и остаётся литературой христианской, именно поэтому человеческая боль и людские страдания находят в ней живой отклик. Мотив сиротства встречается уже в устном народном творчестве, например, в пословицах («Сироту воспитать, что храм возвести», «За сироту только Бог – заступа», «Сиротское детство на всю жизнь наследство» и др.), в народных сказках («Морозко», «Крошечка-Хаврошечка», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»). Тема сиротства, тяжёлого детства, равнодушия взрослых к детской душе красной нитью проходит через всю отечественную литературу. К ней обращались такие писатели как А.С. Пушкин, Д.И. Фонвизин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, В.Г. Короленко и многие другие.

Ек. Мурашовой, как писателя и, прежде всего, детского психолога, всегда волновала проблема обездоленного детства. Эта тема находит отражение во многих её произведениях, начиная с ранней повести «Обратно он не придёт!» и заканчивая последним романом «Одно чудо на всю жизнь», в которых дети, потерявшие родителей, в буквальном смысле оказываются выброшенными на обочину жизни. Писательница затрагивает не только социальный аспект сиротства, но также обращает внимание и на духовный, человеческий аспекты данной проблемы, которая существовала в мире с начала времён.

В данном параграфе мы рассмотрим систему образов в повести «Обратно он не придёт!». Основных персонажей повести условно можно разделить на 3 группы:

1) Нравнодушные представители благополучных слоёв общества, которые имеют свои проблемы, но тем не менее способны видеть чужую беду, сопереживать Васе и Жеке. Это главная героиня Оля, её одноклассница Ира Смирнова, Жар-Птица, милиционер Пётр Алексеевич.

2) Вася и Жека – беглецы из детского дома, жертвы жестокой действительности, в которой дети бывают никому не нужны. К этой же группе выброшенных на обочину жизни можно отнести и Родьку-Божьего человека, и остальных детдомовцев.

3) Равнодушные взрослые – родители и учителя, которые отрицают существование детской беспризорности. К данной категории также относится Моня-искатель.

Повествование ведётся от лица Ольги , девочки из благополучной семьи, которая после развода родителей с мамой и бабушкой переезжает с Лиговского проспекта в Купчино, о чём нам сообщается в самом начале повести. Ольга является повествователем и непосредственным участником описываемых событий, а потому основным средством создания образа Ольги являются рассуждения девочки, в которых просматривается определённый характер, способ мышления, мировоззрение. Например, если мы обратим внимание на её размышления о школе в начале повествования, мы сможем дать определённую характеристику данному персонажу.

Взгляды Ольги на учёбу отразились в следующих фрагментах:

«Ещё в четвёртом классе я поняла, что сделать все уроки совершенно невозможно. Странно, как этого не понимают учителя»; ». [Мурашова1998 : 14]

«В общем-то, между четвёркой и пятёркой не такая уж большая разница»; ». [Мурашова1998 : 16]

«Интересно, что в моём теперешнем классе все совершенно уверены, что в литературе, так же, как в математике или в географии, на каждый вопрос есть лишь один правильный ответ, и этот ответ написан в учебнике или спрятан в голове у Надежды Максимовны». [Мурашова1998 : 17]

Мы видим, что Оля – девочка умная, рассудительная. До всего она доходит своим умом, на всё у неё имеется своё мнение, которое она не боится высказывать. Только такой думающий и равнодушный ко всему человек смог найти подход к воспитанному уличей и детским домом, чересчур гордому и чересчур вспыльчивому Васе. Девочка смогла стать ему другом, общаться на равных, несмотря на различие в социальном положении, проникнуться их с Жекой историей. Во многих ситуациях Оля ведёт себя не по годам мудро. Ек. Мурашова вслед за многими русскими писателями наделяет свою маленькую героиню способностью отличать добро от зла, правду от лжи. В повести Ольга выступает проводником авторских идей. Неслучайно Ек. Мурашова даёт главной героине имя Ольга, которое означает «светлая», «мудрая».

В повести нет указания на определённые временные рамки, но повествование ведётся в прошедшем времени, мысли и высказывания персонажа литературно обработаны, из чего мы можем сделать вывод, что по содержанию произведение представляет собой воспоминания Ольги. Примечательно, что в самом начале произведения Оля описывает своих новых одноклассников и новую учительницу по литературе в настоящем времени (*«на переменках я теперь не стою одна у стены, как вначале, а хожу вместе с девчонками по рекреации...»* и т. п.), поэтому нельзя сказать, что перед нами воспомятая уже взрослой героини. В начале повести мы видим практически дневниковые записи ученицы средней школы, которая описывает свои будни, попутно размышляя на разные темы, но после описания встречи с Васей и Жекой дистанция между сюжетным и авторским временем увеличивается (*«так я себя понимала», «в ту ночь, после милиции и разговора с Васькой, я поняла, что такое бессонница...»* и т. п.).[Мурашова1998 : 45]

Столкнувшись с беспризорниками Васей и Жекой, девочка не может остаться равнодушной, что отличает её от многих взрослых, которые скорее предпочтут сделать вид, будто беспризорников вовсе не существует, чем

позволят своему сердцу отозваться на беду маленького человека. Например, учительница истории Надежда Николаевна на вопрос Оли о том, существуют ли сейчас беспризорники, отвечает *«нет, конечно»*, а после вздыхает *«с облегчением»* и *«даже»* улыбается, а мама Оли не понимает вопроса и включает дочери песню своей молодости вместо ответа на вопрос о том, есть ли сейчас «бродяги».

После первой встречи с Васей и Жекой Ольга долго не могла заснуть, размышляя о судьбе своих новых друзей. *«Я вспомнила про детей подземелья из книги Короленко...»*. – говорит Оля. Девочка задаёт себе три вопроса: *«Кто они?»*, *«Как и почему оказались в «полосе?»*», *«Что будет с ними дальше?»*.

«Я знала, что не смогу уже жить так, как будто никогда не видела Жеки и Васьки, не смогу попросту забыть всё. Ответ на третий вопрос немножко зависел и от меня. Так я себя понимала», – подводит итог Ольга своим размышлениям в ту ночь [Мурашова1998 : 24]. Такое детское и в то же время серьёзное чувство личной ответственности за чужое горе выделяет Олю среди других персонажей повести. Девочка не может оставаться в стороне, хотя и решить все проблемы своих новых друзей ей не под силу. На примере главной героини Ек. Мурашова показывает, как важно каждому человеку, даже самому маленькому, быть отзывчивым к чужой беде.

Благодаря тому, что история рассказана устами Оли, ровесницы Васи, во-первых, создаётся противопоставление двух миров: с одной стороны, мир Оли – мир, в котором есть любящие родители, друзья и нет никаких забот, и с другой, мир Васи – мир, в котором дети не получают ни любви, ни тепла и вынуждены сами о себе заботиться, во-вторых, юный читатель обретает друзей в лице Оли, Васи и Жеки, что обеспечивает большую вовлечённость в сюжет (и, как следствие, успешно реализуется воспитательная функция литературы), а в-третьих, взрослый читатель получает возможность взглянуть на проблему глазами ребёнка, чьё сердце ещё не успело зачерстветь от обыденности и череды бытовых проблем.

Другой главный герой повести – Вася. Данный персонаж вводится в сюжет, когда Ольга, в очередной раз гуляя в «полосе отчуждения», наблюдает за тенью, которую отбрасывает сарай в лучах заходящего солнца: *«...тень раздвоилась... Одна тень была настоящая, а другая оказалась мальчишкой, худым и чёрным»*. [Мурашова1998 : 18] Оля отмечает, что незнакомец примерно одного с ней возраста и роста, что у него чёрные глаза, он одет в грязную куртку, в карманах которой сжал кулаки, а по телосложению – худой и щуплый. Как мы видим, при описании Васи Ек. Мурашова дважды использует эпитеты «худой» и «чёрный». Чёрный цвет придаёт мальчику мрачный облик, особенно если учесть то, что персонаж появляется из тени. Происходит встреча двух противоположных миров, которые долгое время существовали бок о бок. Немного ранее, описывая «полосу» в лучах вечернего солнца, автор говорит, что *«... вся «полоса» была полосатой от теней... Встречались густо-синие, чёрные, фиолетовые, жутко-багровые, коричневые»*. [Мурашова1998 : 17] Может именно потому, что Оля так внимательно рассматривала тени, она и заметила Васю.

Вася – беглец из детского дома, попавший туда из-за того, что его родителей лишили прав. *«Папаша пятый год зону топчет... Ну, а мамаша... чёрт её знает, где она сейчас... Может, жива, а может, сдохла уже...»*[Мурашова1998 : 48] – так о своих родителях Вася рассказывает Оле. То есть перед нами мальчишка, который достаточно долгое время прожил в семье. Вася знает, что его отца посадили более четырёх лет назад, а о судьбе матери ему ничего неизвестно, значит, в детский дом его отправили уже после того, как его отец оказался в тюрьме. В одном из разговоров Вася говорит, что на будущий год ему исполнится уже пятнадцать лет, следовательно, в детском доме он оказался не раньше десяти лет, в довольно сознательном возрасте.

Вася рассказывает Ольге о том, как однажды заступился за мать перед одним из её знакомых и получил шрам от удара «розочкой». Несмотря на неблагоприятные условия жизни и на отсутствие должной любви и внимания

со стороны родителей, Вася всё равно был готов защитить мать, его сердце было открыто для неё. Но продолжалось это только до того момента, пока из-за родительского безразличия он не потерял свою младшую сестру, Люсю. Каждый человек, особенно ребёнок, нуждается в любви. От родителей Вася любви не получал, но у него была сестрёнка, о которой он мог заботиться и которой мог дарить своё тепло, получая его в ответ. После её смерти его сердце ожесточилось, но не зачерствело, именно поэтому он берёт на себя заботу о Жеке. О себе Вася мало заботится, на беспокойство Оли по поводу его руки он отвечает, что *«заживёт как на собаке»*. Мальчик посвятил свою жизнь заботе о других. Когда Жека сходит с ума, Вася так говорит о своём будущем: *«Теперь всё равно. Кому я теперь нужен?»* [Мурашова1998 : 144].

В отличие от Жеки, который не помнит свою мать, и потому ещё питает надежду на то, что она его любит и заберёт домой, Вася, который прекрасно знает и своих родителей, и то, что они лишены родительских прав, понимает, что он сам должен нести ответственность за себя, а также за маленького Жеку. Мы видим, что в то время, как Оля живёт простой жизнью обыкновенной школьницы, её ровесник Вася вынужден повзрослеть раньше времени, чтобы как-то выжить в этом жестоком мире и заменить Жеке его семью до тех пор, пока они не отыщут его мать. Если Ольга представляет в произведении ту сторону жизни, которую маленький читатель, возможно, видит каждый день и которая ему хорошо знакома, то Вася открывает перед ним совершенно другую сторону, о которой он даже не догадывается или на которую раньше не обращал внимания.

Имя Василий произошло от древнегреческого Βασίλειος, что означает «царский, царственный». Выбор имени для данного персонажа тоже не случаен. Для Васи превыше всего чувство долга. Он понимает, что несёт полную ответственность за Жеку и всё делает только ради него. В то же время он гордый и, несмотря на нужду, сначала отказывается принимать «подачки» от Оли. Позже он соглашается принять еду, но только ради Жеки и при том условии, что Оля и для себя бы принесла то же самое.

Вася привык зарабатывать на хлеб своими руками. Он нелестно отзывался о ворах: *«Воры – дрянь! Я бы для себя сроду не стал. Для Жеки только – ему мяса надо»*. [Мурашова1998 : 38] Несмотря на то что Вася много горя повидал за свою недолгую жизнь, озлобился на свою мать, стал вспыльчивым и грубым, у него всё равно сформировались определённые нравственные представления, по которым он старается жить.

Одним из средств создания образа Васи выступает его речь. Искусством индивидуализации речи персонажа владели все русские писатели-классики. Этот же приём использует и Ек. Мурашова. В речи персонаж раскрывает себя, речь даёт представление о темпераменте, характере, социальном положении героя. Речь Васи изобилует жаргонизмами (*«вали»*, *«дрянь»*, *«вреж»*, *«заткнись»*, *«жри»*, *«пойло»*, *«мент»* и др.), предложения часто обрывистые, экспрессивные.

Мы видим, что Вася – не злой, но очень вспыльчивый мальчик. Он использует наиболее безопасный способ выплеска негативных эмоций, заменяя физическую агрессию речевой. При первом столкновении с Ольгой он только грозит применить кулаки, но в итоге не позволяет себе прибегнуть к физическому насилию, ограничившись бранью в адрес незнакомой девчонки. Главной причиной его речевой агрессии является необходимость постоянно оберегать себя и Жеку от постороннего внимания, сказывается на его характере и потребность противостоять жестокой действительности. *«Васька был вулкан, каждую минуту готовый извергнуться»* – так Ольга описывает характер Васи. Девочка отмечает, что когда Вася считает её равной себе, то *«орёт и ругается гораздо больше»*, чем когда считает её глупой и маленькой (например, когда ему приходится объяснять ей, кто такие «лишенцы»). В таких случаях Вася разговаривает с ней снисходительным и терпеливым тоном, каким обычно он говорит с Жекой.

Как и речь, многое о персонаже может сказать его дом. Так как у Васи с Жекой дома не было, Васе пришлось соорудить жилище из заброшенного

сарая в «полосе отчуждения». Несмотря на то, что дружба между Олей и мальчишками быстро окрепла, Вася не спешил приглашать девочку в гости. Дом, жилище для любого человека является особенным местом, в которое проход не каждому открыт, даже если это всего лишь заброшенный сарай. Приглашение Васи пройти в их с Жекой жилище является своеобразным знаком доверия Оле. Недаром именно в этом месте он рассказывает девочке про свою сестру, которую очень любил, делится самым сокровенным.

«Внутри сарая пахло чем-то прелым и пыльным. Весь сарай был тёмный, и в этой темноте угадывались какие-то огромные ящики, ряды которых подпирали потолок. В одном из углов мерцал оранжевый огонёк» – вспоминает Оля. [Мурашова1998 : 80] Девочка отмечает, что в сарае было холодно, несмотря на то что *«все щели в жилом углу сарая были аккуратно заткнуты сеном и тряпками, кое-где облитыми варом»*, а под ногами – влажная земля. Вася сделал всё возможное, чтобы утеплить их с Жекой жилище, однако уютней оно от этого не стало. И всё равно он предпочитает мрачность и холод заброшенного сарая светлому и тёплому «инкубатору», отчасти из-за того, о чём говорил Пётр Алексеевич (*«Из приютов и из наших детских домов бегут от одного и того же. И вовсе не от голода... Бегут от бесчеловечности. Понимаешь? Бес-человечность! Это когда есть еда, одежда и всякое другое, но нет – человека. И не только вокруг, но и в тебе самом его никто не видит»*) [Мурашова1998 : 37] , но главное – из-за Жеки, которого могли перевести в интернат «для отсталых», где он бы совсем сошёл с ума. Вася, который сам ничего не имеет, готов принести в жертву свой, пускай и не большой, комфорт, мёрзнуть и голодать, подвергать себя опасности ради блага ближнего.

Для выражения художественных идей автора образ Васи является не менее важным, чем образ Оли. За счёт введения в сюжет такого персонажа как сбежавший из детского дома мальчик, которому необходимо заботиться о ком-то, несмотря на свою боль и свои проблемы, Ек. Мурашова не только противопоставляет его реальность той действительности, в которой живёт

герой-рассказчик, но и закладывает в сознание читателя определённые нравственные ценности.

Далее мы скажем несколько слов об образе Жеки. Оля так описывает Жеку: *«На вид ему было лет шесть, одет он был в какое-то странное стёганое пальтишко, подпоясанное широким армейским ремнём. Присмотревшись, я поняла, что его пальто – это просто ушитый ватник с обрезанными рукавами. У мальчика была огромная голова, широкий, словно сплюснутый сверху нос и огромная копна чёрных, жёстких даже на вид волос, торчавших в разные стороны»*. [Мурашова1998 : 20] Уже в первую встречу Оли с ребятами, мы видим, что Жека отличается не только от девочки из благополучной семьи, но и от своего старшего товарища.

Жека – единственный из главных персонажей повести, кто не знает своих родителей. Он воспитанник детского дома с самых ранних лет, в отличие от Васи, который попал туда в сознательном возрасте. Его душа – чистый лист, на котором можно написать что угодно. Ответственность за воспитание такого ребёнка в два раза больше, но мы видим, что в детском доме обращались с ним не лучше, чем с Васей и другими детьми (показательным является фрагмент, в котором рассказывается о том, как учительница ставила Жеку в угол и била линейкой по пальцам).

Жека – самый неоднозначный персонаж повести, который меньше всего принимает участие в событиях, но тем не менее влияет на развитие сюжета произведения. Через отношение к Жеке раскрывается образ Васи (многие его поступки мотивированы необходимостью заботиться о Жеке), благодаря введению в сюжет столь маленького персонажа, который, несмотря на свою болезнь, вынужден жить в «полосе», раскрывается и главная проблема повести – проблема социального сиротства детей.

Жека очень привязан к бездомному псу Тарасу, именно жестокое убийство дорогого для мальчика существа становится последней каплей – он сходит с ума. Неслучайно все беды выпадают именно на долю Жеки: и нахождение в детском доме с самых ранних лет, и болезнь, и, в конце концов,

окончательное сумасшествие в финале повести. Ек. Мурашова показывает, что разрушение института семьи приводит к страданию даже самых маленьких детей, которые растут уязвимыми, и, как следствие, формируется нездоровое общество. В повести находит отражение мотив решения проблемы путём побега в придуманный мир, который позже мы встречаем и в повести «Класс коррекции». Если у Жеки этот мир – мир припадков, а у Юры и его друзей – фантастический мир, то вне страниц художественных произведений у детей из неблагополучных семей или детей-сирот это может стать мир наркотиков или алкоголя.

Писательница не даёт ответа, какое будущее ожидает такое общество, финал повести остаётся открытым. Ек. Мурашова показывает, что бегство детей из детского дома и раннее взросление не способно решить их проблемы (побег ради «спасения» Жеки всё равно заканчивается его сумасшествием). К решению проблемы в повести не привлечены взрослые персонажи, мы видим только попытки Ольги помочь беспризорникам и попытки Васи помочь Жеке, но дети не могут сами справиться с тем, что изначально от них не зависит.

Повесть «Обратно он не придёт!» написана в 1991 году, на рубеже двух эпох. Если раньше тема беспризорничества была «удобной» темой для продвижения социалистических идей о воспитании нового человека (так как последнее мыслилось возможным при условии полного отказа от всего личного, в том числе, семьи и родного дома) и дети-сироты в литературе XX века изображались грязными, оборванными, ругающимися матом и пьющие водку малолетними преступниками, то Ек. Мурашова в своём произведении показывает нам два сильных детских характера, наделяет детей той способностью видеть зло и несправедливость, которой маленьких героев часто наделяли писатели прошлых столетий.

Таким образом, в повести представлены три типа социального сиротства: девочка из неполной семьи, «лишенец» и «отказник». Ольга является представителем того мира, который знаком юному читателю, и

учит его не оставаться равнодушным к чужой беде. Вася открывает читателю мир жестокой действительности и показывает, что даже в таких условиях можно оставаться человеком с большой буквы, а судьба Жеки заставляет задуматься о необходимости решения проблемы социального сиротства не на уровне государства, которое может предоставить только пропитание и крышу над головой, а на уровне общечеловеческом.

2.2. Традиции В.Г. Короленко в произведении Ек. Мурашовой, сопоставление повестей «Дети подземелья» и «Обратно он не придёт!»

Традиция – это культурно-художественный опыт прошлых эпох, который воспринимается и осваивается писателями в качестве актуального и непреходяще ценного, становится для них творческим ориентиром. Традиционно писатели развивают как социально и исторически обусловленные темы прошлой литературы (например, тип «лишнего человека», «маленького человека»), так и вечные, универсальные темы (например, любовь, долг, вера), нравственно-философские проблемы и мотивы (например, духовное прозрение). Основными условиями органичной и полной приобщённости писателя к традиции являются уважение к преданию умной старине и духовная причастность к ценностям культуры прошлого.

Нельзя не отметить явной идейной и сюжетной преемственности в повести Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» с произведениями прошлых эпох. Писательница, создавая свою повесть, опиралась на опыт русских писателей, обращавшихся к образу ребёнка и, прежде всего, В.Г. Короленко, написавшего повесть о беспризорниках «Дети подземелья» более чем сто лет назад.

Несмотря на технологический прогресс, мирное время, повышение уровня и, как следствие, продолжительности человеческой жизни, проблема

сиротства в современном мире всё так же остаётся актуальной. Продолжая традиции В.Г. Короленко, Ек. Мурашова заставляет читателя по-новому взглянуть на проблему сиротства, открывает перед читателями мир современных «детей подземелья» – Васьки и Жеки, беглецов из детского дома, которые, в отличие от Валека и Маруси, живущих среди других бродяг и имеющих любящего их Тыбурция, остаются совершенно одни.

Оба писателя показывают нам страшный мир беспризорников, который находится совсем рядом с нами и который существует благодаря нашему равнодушию и нашей беспомощности. Главные герои обоих произведений – дети, чья жизнь перевернулась с потерей одного из родителей. Вася пережил смерть матери, а отец Ольги ушёл из семьи. В этом заключается первое различие персонажей двух схожих по сюжету произведений. Потеря Ольги менее страшна, чем потеря Васи. Ольга окружена заботой и любовью мамы и бабушки, Вася же вместе со смертью матери переживает отчуждение отца, «высокого, угрюмого человека», в котором он, как бы ему ни хотелось, не мог почувствовать родную душу.

О себе Вася так говорит: «Вообще все меня звали бродягой, негодным мальчишкой...». Ольга же является послушной дочерью и прилежной ученицей. Однако оба главных героя в какой-то степени одиноки. Вася чувствует, что за пределами дома его как будто что-то ждёт, поэтому он так любит бродяжничать, а Ольгу влечёт «полоса отчуждения», которая представляется ей отдельным миром, в котором она может проводить много времени, так как друзей в новой школе она ещё не завела и гулять ей не с кем. Это чувство одиночества роднит их с другими персонажами повести, представляющими мир жестокой действительности, – беспризорниками Валеком и Марусей, Васей и Жекой.

Оба писателя сталкивают своих персонажей с абсолютно новым для них миром, который переворачивает всю их жизнь – герои переживают крушение прежних представлений о мире. Однако если в повести «Дети подземелья» встреча с жителями дурного общества помогает Васе по-

другому взглянуть на своего отца и сблизиться с ним, то Ольгу встреча с Васей и Жекой больше разъединяет с миром взрослых, которые не одобряют её рвение побольше узнать о причинах, по которым дети оказываются на улице.

Обе повести имеют двойное название. Советский писатель, философ, историк и теоретик театра С.Д. Кржижановский связывал появление двойных названий с двойной окраской человеческих психических содержаний, распадающихся на 1) «логические процессы» и 2) «эмоциональные испытывания», а также выделял дифференцирующую функцию двойных названий, призванную разделять читателей на группы (например, взрослые-дети, мужчины-женщины и др.) Известно, что повесть В.Г. Короленко, известная многим читателям под названием «Дети подземелья», получила его только в 1886 году, когда произведение было опубликовано в сокращённом варианте в детском журнале «Родник», изначально же повесть издавалась под названием «В дурном обществе». Следовательно, в данном случае реализуется дифференцирующая функция (по С.Д. Кржижановскому) двойного названия. [С.Д. Кржижановский 2006] Причина, по которой Ек. Мурашова дала своему произведению двойное название, неизвестна, но мы можем предположить, что первое название «Обратно он не придёт!», являющееся строчкой из стихотворения Э. Асадова, служит для выражения художественных идей писательницы, а второе («Полоса отчуждения») по аналогии с произведением В.Г. Короленко является образным обозначением тех условий, в которых оказались маленькие Валек и Маруся, Вася и Жека.

В повести «Дети подземелья» мир взрослых представлен в лице отца Васи и Тыбурция. Мы видим, что мальчик, сын «почтенных родителей», оказывается даже более одиноким, чем дети «дурного общества». Тыбурций заботится о Валеке и Марусе как о своих детях, в то время как Вася в своём отце не видит родную душу. Ек. Мурашова, поместив героя-рассказчика в лучшие условия, чем В.Г. Короленко, в то же время усугубляет условия жизни детей-сирот. С детьми «полосы отчуждения» контактирует всего пара

взрослых – Жар-Птица и Мони-искатель. Про Жар-Птицу Вася говорит: *«Может, Жар-Птица Жеку кормит, считай, будущие грехи замаливает!»* А Мони-искатель на вопрос Васи о том, есть ли у него дети, отвечает: *«Может, и есть где... Я своим детям жизнь не порчу. И бредни свои не навязываю. Пусть живут, развиваются. По природе».* [Мурашова 1998 : 90] В лице Жар-Птицы и Мони-искателя мы видим тот тип взрослых, на чьих плечах лежит вина за социальное сиротство детей. Жар-Птица, возможно, повторит судьбу матери Жеки, а в образе Мони-искателя мы видим человека с осиротевшей душой, каким его создаст грядущая эпоха – не пустивший корней, ищущий суть жизни, но не знающий, зачем она ему.

Русский народ, ввергнутый в новую страну с совершенно иными законами, переживает чувство сиротства, потерю Родины. Русским писателям XX века было важно показать сиротство души человеческой, не сумевшей адаптироваться к новой жизни. Ек. Мурашова в своём произведении так же показывает это чувство «вселенского» одиночества, которое в XX веке, веке войн и революций, коснулось каждого. Архетип странника, характерный для литературы о беспризорниках, во многом служит этой задаче.

Заимствованный из психологии термин архетип понимается литературоведами как универсальный прасюжет или прообраз, зафиксированный мифом и перешедший из него в литературу. Архетип странника восходит к Библии, в которой странниками именуются все люди на земле (*Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои* (Пс. 38:13)). Создавая образы беспризорных детей и Мони-искателя, Ек. Мурашова показывает странствие человеческой души в поисках высшего смысла, высшей справедливости. Оказавшийся ненужным собственным родителям Вася сбегает из детского дома вместе с больным Жекой в надежде на то, что сможет подлечить мальчика, отыскать его мать и вернуть Жеку

домой. Но возвращения домой так и не происходит, финал повести оставляет в сердцах читателей горький осадок.

Поиски Мони в повести также остаются бесплодными. Писательница изображает беспомощного, потерянного человека, который не способен сам нести ответственность за свою жизнь и жизнь своих детей. Неслучайно персонажа «чаще зовут» не полным именем Матвей, а сокращённым Моня, Моня-искатель, добавляя образу персонажа ироничную и в то же время печальную окраску. На этот факт стоит обратить особое внимание, так как имя Матвей (стар. Матфей), которое происходит от древнееврейского слова, означающего «дар Яхвэ», «Божий человек», «дарованный от Господа», в данном случае несёт в себе определённый аллюзивный смысл. Наделивши жалкого и потерянного персонажа именем одного из двенадцати апостолов, автора первого канонического Евангелия, писательница указывает на искажённость того мира, в котором живут её персонажи, на оторванность человека конца XXвека от традиции.

Ек. Мурашова в своём произведении обращает внимание на то, что прежде всего, именно взрослые несут ответственность за страдания ребёнка. Дети, которым такие родители как Моня «жизнь не портят», живут в детском доме, где аккуратно одеты, но аккуратность эта *«какая-то гостиничная»*, по словам Ольги, словно *«не принадлежит им самим, а взята напрокат и подлежит возврату»*. Хотя государство и берёт под свою опеку осиротевших детей, но всё, что оно может им дать – еду и тепло – оно даёт только в течение какого-то времени, а после детского дома дети всё равно остаются никому не нужными. В отличие от В.Г. Короленко, который в своём произведении рассматривает проблему беспризорничества как таковую, Ек. Мурашова поднимает также проблему несостоятельности современной ей системы, призванной данную проблему решать. Неслучайно повесть названа строчкой из стихотворения Э. Асадова, которое Оля читает в детском доме. Одной из основных мыслей произведения является мысль о том, что *«видно, смерть на свободе лучше, чем жизнь в плену»*. Пути назад

для Васи с Жекой уже не будет, и все это понимают (так, одна из воспитательниц детского дома после побега мальчишек говорит остальным детям, что Жека умер).

Оба писателя подчёркивают безысходность ситуации, в которой оказались Валец и Маруся, Вася и Жека. Со смертью Маруси и сумасшествием Жеки исчезает и вся надежда в сердцах героев. Мы понимаем, что судьба Валека предрешена, как говорил Тыбурций: *«Я краду, и он будет красть»*. Повесть «Дети подземелья» по своему содержанию является воспоминанием взрослого человека о событиях, произошедших с ним в детстве. Как мы уже отметили ранее, в повести «Обратно он не придёт!» мы не можем точно вычислить разницу между сюжетным и авторским временем, поэтому, если В.Г. Короленко показывает будущее своего героя-рассказчика, то Ек. Мурашова не показывает даже дальнейшей судьбы Ольги. Мы не знаем, что случилось с каждым из персонажей повести после сумасшествия Жеки. В конце повествования появляется мотив дороги – герои идут в будущее, но что их там ждёт, читателю остаётся только догадываться.

Стоит отметить, что главные герои повести «Обратно он не придёт!» гораздо старше героев повести В.Г. Короленко. Хотя точного указания на возраст Васи в тексте повести «Дети подземелья» нет, но частое использование рассказчиком диминутивов при описании себя подчёркивает совсем юный возраст героя (например, *«дикое деревце в поле»*, *«молодой волчонок»*, *«пугливый зверёк»*), в то время как Ольге *«только тринадцать исполнилось»*. Валека Вася описывает мальчиком *«лет девяти»*, а Васе из повести Ек. Мурашовой, как нам известно, около четырнадцати лет. Писательница показывает, что время теперь другое, человечество сделало огромный шаг вперёд в развитии технологий, но проблема несчастных детей всё ещё остаётся актуальной.

В.Г. Короленко предвидел в своём произведении глобальную проблему XX века. Первая мировая и Гражданская войны, революции, Великая

Отечественная война осиротили не только миллионы детей, но и весь русский народ. Новый рост числа беспризорников в России наблюдался и с начала 1990-х годов, что обусловлено экономическим кризисом, ослаблением семейных устоев, морально-психологическим кризисом, распространением психических заболеваний [Нечаева 2001: 59]. Написать о «новых» беспризорниках берётся Ек. Мурашова. На страницах её повести звучит искреннее негодование Оли и самой писательницы: *«Жека и Васька – беспризорники. Сегодня, а не давно. Войны нет, революции нет, а беспризорники есть»*. [Мурашова1998 : 48] В этих строчках заключена основная мысль произведения – не внешние обстоятельства виноваты в появлении беспризорников на рубеже эпох, а духовное обнищание человека, очерствение человеческой души.

Мы видим, что Ек. Мурашова продолжает гуманистические традиции русской литературы. Писательница рассматривает проблему многоаспектно, перекладывает её на современную действительность и, несмотря на то что тема сиротства существовала в литературе испокон веков, создаёт совершенно уникальное произведение.

2.3. Система образов в повести Ек. Мурашовой «Класс коррекции»

В конце XX века в детской литературе стали подниматься ранее табуированные или нетрадиционные темы – под другим углом взглянули авторы детских и подростковых книг на период детства, абсолютно разных героев поставили в центр своих произведений, большое внимание стали уделять детям обделённым, оказавшимся на обочине жизни, детям-изгоям. Английская исследовательница К. Уилки-Стиббс в книге «Ребёнок-аутсайдер в книге и в жизни» подробно рассматривает образ ребёнка-изгоя, оказавшегося в отчуждении по социально-экономическим или политическим причинам. Исследовательница говорит о том, что общество не просто отвергло подобных детей, но также лишило их голоса, сделало невидимыми.

В своей работе К. Уилки-Стиббс выделяет несколько категорий отчуждения (цит. по [Рудова 2014: 202]):

- 1) «перемещённые» – дети-иммигранты, беженцы, дети, живущие в диаспоре;
- 2) «стёртые» – дети с физическими и психологическими отклонениями;
- 3) «униженные» – дети войны, жертвы жестокости, насилия и нищеты;
- 4) «непривязанные» – сироты, беспризорники и дети, живущие в приёмных семьях;
- 5) «колонизованные» – дети, находящиеся в условиях колонизации или войны.

К. Уилки-Стиббс отмечает, что детей каждой из выделенных категорий общество признаёт менее ценными или даже опасными для себя и отдаёт под контроль соответствующего института власти. Критерии «нормальности» – «ненормальности» определяются той частью общества, которая принадлежит к группе инсайдеров (к ним относятся родители, педагоги, врачи, адвокаты, «нормальные» дети), эта же группа решает, какие необходимо принять меры для исправления «ненормальности» того или иного ребёнка. Как правило, данные меры сводятся к изолированию «ненормальных» детей от «нормальных», к исключению детей-аутсайдеров из «нормального» мира. К. Уилки-Стиббс в своей книге наглядно показывает, как в литературе и современном обществе запускается механизм оппозиционирования: *«они – это не мы»*, потому что они – *«пограничные существа»* или *«люди-монстры»* (цит. по [Рудова 2014: 202]). Аналогичный подход к проблематике детей-изгоев мы встречаем в художественных произведениях Ек. Мурашовой и, в частности, в её повести «Класс коррекции».

Повесть «Класс коррекции» – одно из наиболее значимых произведений в творчестве Ек. Мурашовой. В книге поднимаются разные социальные проблемы, в отличие от повести «Обратно он не придёт!», в которой писательница обращает внимание только на «непривязанных» детей,

сирот и беспризорников, в повести «Класс коррекции» создаётся целая галерея образов детей-изгоев. Ек. Мурашова помещает трудных подростков в один класс, а данный класс ставит в центр повествования. Примечательно, что в повести представлены два неблагополучных класса – под буквами «Е» и «Д», но Ек. Мурашова акцентирует внимание именно на 7-ом «Е» классе, в котором находятся дети с физическими, умственными и психическими проблемами. Писательница раскрывает не самых привлекательных в глазах общества подростков с положительной стороны, рассказывает истории некоторых из них, но учеников 7-го «Д» класса, в котором учатся подростки с *«криминальным уклоном»*, вниманием обделяет. Это обусловлено тем, что писательницу, прежде всего, волнуют дети, ставшие изгоями из-за обстоятельств, от них не зависящих: болезни, сиротства, бедности. При этом детские персонажи Ек. Мурашовой, как правило, не убивают в себе человека, напротив, им присущи те положительные качества, которых мы не видим у персонажей более благополучных. Ученики 7-го «Е» класса – это те подростки, от которых родители-спонсоры хотят оградить своих детей. Большинство родителей этих подростков тоже недоброжелательно настроены к другим ученикам класса коррекции, одноклассникам своего ребёнка. Однако Ек. Мурашова в своём произведении ставит под сомнения те критерии, по которым мы судим подобных детей.

Повествование ведётся от лица Антона, неформального лидера 7-го «Е» класса, что позволяет читателю посмотреть на ситуацию «изнутри». Как и в повести «Обратно он не придёт!», в повести «Класс коррекции» писательница помещает героя-рассказчика в не самые плохие жизненные условия. У Антона есть мать, которая в силу своих возможностей заботится о сыне. Матери Антона важно, чтобы её сын был одет и накормлен, она беспокоится о том, чтобы сын не попал в плохую компанию, но она совсем не обращает внимания на его душевное состояние, не может найти со своим ребёнком общий язык. Если говорить о финансовом положении семьи героя-рассказчика (которая состоит только из его матери и него самого), то мы

видим, что живут они не богато, в тесной комнатухе, мама Антона покупает ему вещи «на вырост», но, несмотря на всё это, их положение нельзя назвать совсем бедственным.

Нам сложно сказать, кто является главным героем в повести «Обратно он не придёт!» или в повести «Класс коррекции», так как повествование ведётся из уст одних персонажей (Оля и Антон), но в раскрытии проблематики произведения более существенную роль играют другие персонажи (Вася и Юра). Данным повестям Ек. Мурашовой присущ взгляд на проблему «со стороны», то есть сквозь призму восприятия происходящих событий героем-подростком, который находится «в пограничном состоянии» между двумя противопоставленными мирами благополучных и неблагополучных детей. Такие персонажи как Оля и Антон становятся своеобразным «мостом» между юным читателем и персонажами повести, потому что их восприятие мира наиболее близко тем детям, с которыми Ек. Мурашова «говорит» со страниц своих произведений.

Так как Антон является повествователем и непосредственным участником описываемых событий, основным средством создания его образа становятся его рассуждения, в которых отражены характер, мировоззрение, определённые нравственные качества мальчика. Также ключом к пониманию образа данного персонажа служат мелькающие в диалогах учителей высказывания о прошлом мальчика. Из уст классного руководителя мы узнаём историю Антона и причину, по которой совершенно нормальный на первый взгляд подросток оказался в классе коррекции.

Антон – типичный «вундеркинд», самостоятельно поступивший когда-то в гимназический класс (что, вероятно, было не так просто, учитывая финансовое положение его семьи). Однако из-за периодических припадков «неконтролируемых эмоций», которые случались у мальчика, дети и учителя его боялись, вследствие чего он и оказался в классе коррекции. Мы видим, что на мальчика с блестящими умственными способностями учителями и родителями учеников гимназических классов был поставлен крест, ведь

очевидно, что пока он находится в 7-ом «Е» классе, никто не будет заниматься его развитием, просто потому, что для этого в данном классе не созданы условия. Об умственных способностях учеников 7-го «Е» класса Антон говорит так: *«...всё-таки в нашем классе только четыре человека способны сообразать с нормальной скоростью: Юрка, Мишаня, Маринка, ну и я, конечно»*. Определённо, в уме мальчик превосходит многих своих одноклассников, что подтверждается и его историей. Таким образом, Ек. Мурашова показывает ситуацию в обществе, описанную в работах К. Уилки-Стиббс, когда взрослым проще исключить «детей-аутсайдеров» из «нормального» мира, чем попытаться помочь найти им в этом мире место.

Антон по своей натуре является очень проницательным и отзывчивым мальчиком, он, несмотря на ранние невзгоды, способен понимать и сопереживать каждому своему однокласснику. Именно поэтому ученики 7-го «Е» класса неосознанно выбирают Антона в качестве своего лидера, их готовность следовать за ним проявляется даже в мелочах. Но учитель географии называет Антона героем, *«который почему-то отказывается быть героем»*, да и сам Антон о себе говорит так: *«Я по жизни не крутой...»*

Одним из дискуссионных вопросов остаётся роль фантастического мира в канве произведения. Помимо очевидного сюжетообразующего значения, которое имеет путешествие ребят из реального мира в мир исполнения желаний, и отмеченной некоторыми учёными оппозиции добра и зла, реализующейся через сопоставление двух миров, введение в сюжет параллельного мира также наполняет произведение глубоким психологизмом. Например, для более точного понимания образа Антона Ек. Мурашова включает в повествование сцены у кабачка «Три ковбоя», в которых «наяву» воплощается тяга мальчика к необычным приключениям и к совершению подвигов, но та форма, которую приобретает сбывшаяся мечта Антона, указывает, прежде всего, на конфликтное отношение мальчика с окружающими его людьми, которое, согласно теории М. Кляйн, соответствует «влечению к смерти». Каждое последующее путешествие

Антон в другой мир способствует решению этого внутреннего конфликта и в итоге помогает герою овладеть разрушительными и саморазрушительными порывами, живущими в его подсознании.

Показательным является фрагмент, когда в одно из путешествий в параллельный мир Юра и Антон видят разрушенный кабак, а вокруг него мёртвые тела посетителей. Они заходят внутрь кабака, видят воткнутый в стол меч, и какая-то неведомая сила влечёт Антона к нему, но тот решительно отказывается брать оружие. В данном фрагменте показан сознательный выбор Антона в пользу отказа от агрессии и насилия, первый шаг к самообладанию и, соответственно, к исцелению в реальном мире. Доказательством того, что отказ взять меч символизирует в повести отказ от насилия, служит и тот фрагмент, когда Табаки рассказывает Антону о местонахождении Стеша, после чего мы видим реакцию Антона: *«Я действительно мог в тот момент убить Табаки. Задушить или ещё как. Остановил себя буквально на краю. Вот он, меч. Только протяни руку – и уже начинается»*.

Кроме того, образ меча отсылает нас к легендам о короле Артуре, с которым отождествляется Антон, что наполняет его образ новыми гранями. Король Артур – самый знаменитый из кельтских героев, вождь, о подвигах которого существует множество легенд, которому посвящён не один рыцарский роман. Меч короля Артура – символ высокого предназначения. Антон не понимает, в чём состоит его предназначение, и это ещё одна причина, по которой он несколько раз отказывается взять меч. Чуть позже становится ясно, что миссия Антона заключается в том, чтобы найти и указать остальным отвергнутым обществом детям из класса коррекции путь к исцелению в реальном мире, а не в мире фантазии. Он всё-таки берёт меч, соглашается идти по пути своего предназначения, которое заключено уже в его имени, а также фамилии, так как Ек. Мурашова использует приём дублирования личного имени и фамилии персонажа.

Ономапозтика в книгах Ек. Мурашовой может служить предметом отдельного исследования, так как имя каждого персонажа в произведениях писательницы является неким кодом, обращение к которому позволяет нам проанализировать детские образы на более глубоком уровне. Мы уже рассмотрели значимость антропонимов при создании образов в повести «Обратно он не придёт!», теперь обратимся к поэтике имени героя-рассказчика в повести «Класс коррекции».

Имя Антон имеет древнеримские корни и, вероятно, произошло от родового имени Антоний – «вступающий в бой», «состязающийся». Мы видим, что в повести именно Антону удаётся сплотить учеников 7-го «Е» класса, заставить бороться за жизнь Стеша, бросить вызов обществу и наконец «обрести голос», которого оно их лишило. Таким образом, Антон является проводником авторских идей о необходимости избрания пути сопротивления жизненным обстоятельствам, об избранности и ценности каждого человека, о важности коллективизма для преодоления сложившихся негативных тенденций в обществе.

Другой не менее важный детский образ в повести – образ Юры, мальчика-инвалида, болеющего детским церебральным параличом. Несмотря на свою болезнь, Юра имеет прочный внутренний стержень, его отличительными чертами являются жизнерадостность, дружелюбие, открытость. Антон отмечает, что при взгляде на Юру создавалось впечатление, будто за ним что-то стоит, что-то неведомое, но имеющее огромную силу. Этим «что-то», однако, является не параллельный мир, как может показаться на первый взгляд; этим «что-то» является великий дар любви, которым наделён мальчик. Юра обладает способностью видеть и раскрывать в окружающих его людях самые положительные качества. Неслучайно повесть начинается именно с появления Юры в классе коррекции. У мальчика самый тяжёлый диагноз в классе коррекции, однако, обладая наиболее слабым здоровьем, Юра обладает наиболее сильным духом. Он с улыбкой встречает жизненные невзгоды, умеет посмеяться над

собой, добродушно настроен к ребятам с самых первых секунд знакомства: *«...все молча смотрели на Юру Малькова. А Юра Мальков смотрел на нас. И улыбался»*. Герой-рассказчик использует в данном предложении парцелляцию, которая помогает усилить смысловые и экспрессивные оттенки сообщаемой информации, подчёркивает уникальность изображаемой ситуации. Юра выделяется среди своих одноклассников именно позитивным отношением к жизни. Бесспорно, не последнюю роль в этом играет тот факт, что Юра является долгожданным и любимым ребёнком, выросшим в полной семье. Такими простыми, но в то же время крайне важными вещами не может похвастаться ни один ученик 7-го «Е» класса.

Обратимся к поэтике имени данного персонажа. Имя Юрий произошло от древнегреческого имени Георгий, что в переводе означает «земледелец». Фамилия персонажа (Мальков), вероятно, образовалась из прозвища «малёк», полученного когда-то человеком, занимавшимся рыбным промыслом. Таким образом, подчёркивается «двустихийность» данного персонажа – он относится как к стихии земли, так и к стихии воды. Мы видим, что в образе Юры заключён вполне конкретный аллюзивный смысл. К «двустихийным» мифологическим существам мы можем отнести Тритона – древнегреческого бога, сына Посейдона и Амфитриты. Традиционно Тритона изображают в виде получеловека-полурыбы. Символ рыбы тесно связан с символом воды, океана. В мифологии вода – источник жизни, первоначало, исходное состояние всего сущего. В водных глубинах заключено тайное знание, которое скрыто от людей, но доступно рыбе, поэтому в ряде мифов рыба наделяется демиургической силой. Все эти формы проявления Божественного мы наблюдаем в образе Юры: мальчик наделён даром созидать (например, благодаря общению с Юрой Пашка проявляет себя как заботливый и верный друг, Антон находит своё призвание, Вадик бросает вызов привычному укладу жизни ребёнка богатых родителей и т.д.); в повести не раз подчёркивается, что Юра знает что-то такое, что неизвестно другим, а также он является проводником ребят в другой, лучший мир.

Нельзя не отметить тот факт, что «двустихийность» или же «двуприродность» данного персонажа, заключённая в его имени и фамилии, имеет и христианские корни. Новозаветные книги Священного Писания содержат в себе не одно указание на то, что Иисус Христос, Сын Божий, имеет двуприродное начало: является одновременно и богом, и человеком. При рассмотрении образа Юры в данном ключе перед нами чётко вырисовывается мессианская роль мальчика. Отправляясь в параллельный мир с Антоном и Мишаней на спасение Стеши, Юра жертвует собой, прекрасно понимая, что живым ему не вернуться. В последнее посещение ребятами параллельного мира в нём уже не действуют прежние законы. Герои испытываются, а вернувшись из параллельного мира домой, Антон окончательно обретает контроль над своими припадками, к глухому и полуслепому Мишане возвращаются слух и зрение, а класс коррекции расформируют в общеобразовательный класс. Мотив возрождения присутствует в финальной сцене, когда Витька отдаёт родителям Юры Милку. Таким образом, самопожертвование Юры дарует другим ребятам исцеление и надежду на светлое будущее. Пробыв в классе коррекции совсем небольшой промежуток времени, Юра смог прикоснуться к душе каждого из ребят и изменить формировавшийся годами порядок вещей.

Следующий персонаж, которого Ек. Мурашова в своём произведении выводит на передний план – это Стеша. История этой девочки поражает читателя своей трагичностью. В отличие от многих своих одноклассников, Стеша родилась в полной семье, имеющей хорошее финансовое положение. От природы девочка не была обделена умом и имела все шансы на достойное будущее, но его у неё украли её собственные родители. Ек. Мурашова, являясь не только писателем, но и семейным психологом, часто сталкивается в рабочей практике с детьми, болезненно переживающими развод родителей, и в своём произведении она изображает в художественной форме те ситуации, которые происходят во многих семьях – «война взрослых амбиций», попытка «купить» расположение ребёнка,

непонимание того, что для ребёнка одинаково важны оба родителя... Психологи отмечают, что развод родителей ребёнок переживает очень болезненно в любом возрасте, может испытывать чувство вины за то, что семья распалась, чувствовать себя ненужным. В истории Стеши наиболее выпукло показана важность осознания взрослыми своей ответственности за жизнь ребёнка. Если бы родители Стеши в своей войне не были так слепы и глухи к своему ребёнку, судьба девочки сложилась бы иначе. В фантастическом мире Стеша предстаёт в образе принцессы, заточённой в замке и ожидающей спасения, – несмотря на внешнюю отрешённость в ней всё ещё теплится жизненная энергия, но она не может найти выход без посторонней помощи.

Антон в ходе своего повествования неоднократно указывает на такую деталь во внешнем облике Стеши как «лазоревые глаза» девочки, взгляд которых поражал окружающих людей. Данная деталь является в образе Стеши крайне важной, ведь такой поэтизм, как правило, не характерен для речи 13-ти летних мальчиков, которые скорее обозначат подобный цвет глаз как голубой или синий, но Антон говорит именно о «лазоревых» глазах, поэтому мы обратим наше внимание на определение и символику лазоревого цвета.

Лазурь – оттенок голубого цвета, цвет минерала азурита, часто можно встретить определение «цвет неба в ясный день». Голубой цвет в сознании человека имеет прочные ассоциации с такими понятиями как чистота, духовность, верность, возвышенность. Мы видим, что в образе Стеши действительно есть нечто возвышенное: девочка отличается от остальных учеников класса коррекции абсолютной беззлобностью, отрешённостью, являющейся последствием пережитой психологической травмы, доверчивостью и красотой. В фантастическом, сказочном мире Ек. Мурашова отводит Стеше роль принцессы (царевны – по В.Я.Проппу), данная роль заложена уже в самом имени персонажа (Стефания в переводе с древнегреческого – «увенчанная», «венец», «диадема»).

Необычайной красотой может похвастаться и камень азурит, который завораживает своей небесной синевой. Известно, что в Ирландии друиды определяли жизненный путь молодых людей с помощью данного камня. Этот факт наиболее интересен в связи с тем, что в ответ на вопрос Пантелея о том, зачем ему рисковать ради спасения Стеши, Антон отвечает *«Стешка – она у нас вроде тестирования»* или испытания, определяющего не только нравственные качества ребят, но и их будущее. Именно сплочение учеников 7-го «Е» класса ради спасения Стеши раскрывает уровень нравственной чистоты этих детей, оказавшихся изгоями в современном обществе.

Под руководством Антона и при помощи всех учеников 7-го «Е» класса Стеша была спасена, но ключевую роль в спасении *«принцессы Стеши»* сыграл Мишаня. В отличие от Антона, который *«почему-то отказывается быть героем»*, Мишане не свойственны внутренние колебания. Антон так характеризует Мишаню: *«Он вообще-то пацан бойкий и даже задиристый»*. Как и Юра, Мишаня обладает ясным умом, живёт в хорошей семье и имеет серьёзные физические недостатки – плохое зрение и плохой слух. В фантастическом мире, в который Мишаня научился самостоятельно попадать, он видит и слышит, играет в футбол и просто наслаждается жизнью, потому что в реальном мире мальчик живёт во внутренней гармонии с самим собой и единственным его желанием является физическое здоровье. Узнав, что принцесса, в которую он влюблён, это Стеша и что она в опасности, Мишаня без долгих раздумий отправляется в фантастический мир на её спасение, и ему удаётся вызволить принцессу из замка, несмотря на то, что мальчик оказывается лишён слуха и зрения. Именно Мишане отведена в фантастическом мире роль героя, а не Антону, который твёрдо убеждён, что *«его меч»*, его призвание, в реальном мире.

Мы видим, что наиболее сильными духом в повести являются те ученики класса коррекции, которые, несмотря на свои отклонения, окружены родительской любовью (Юра, Мишаня). При этом они не противопоставляют себя другим ребятам из 7-го «Е», как это делают ученики элитных классов.

Это происходит потому что, во-первых, они так же, как и их друзья из неблагополучных семей являются изгоями в обществе из-за своих физических отклонений, а во-вторых, потому что всем ученикам класса коррекции в той или иной степени присуще сознание социума как единого организма, в котором важен каждый элемент. Если какой-то элемент начинает противопоставлять себя остальным, то организм начинает болеть. Данная мысль красной нитью проходит через всё творчество Ек. Мурашовой. В своих произведениях писательница показывает болезнь современного мира, в котором существует такое явление как отверженные дети и правят индивидуалистические ценностные ориентации. В повести «Класс коррекции» писательница говорит о необходимости коррекции современного общества, укрепления коллективистских ценностей в сознании людей. Дети-герои её произведений всегда объединяются перед лицом опасности или проблемы, готовы заступиться друг за друга и даже пожертвовать собой – в этом заключена специфика детских образов в творчестве Ек. Мурашовой.

Далее мы рассмотрим образ Пашки Зорина. Именно Пашка первым проявил доброжелательность к Юре, отодвинув стул рядом с собой и предложив мальчику на инвалидной коляске устроиться за своей партой. От подростков подобных Пашке, как правило, никто не ожидает проявления эмпатии, но тем не менее именно он больше остальных проникается к Юре с самых первых минут. Антон использует для характеристики Пашки эпитет «могучий» и определение «Пашка-дурачок», часто изображает его в ироническом ключе, сравнивая то с пэтэушницей, *«которую пригласил на танцах капитан дальнего плавания»*, то с картинкой *«из учебника древнейшей истории: обезьяна, впервые взявшая в руки орудие труда»*, то с пакетиком из-под чипсов (*«Пашка надувался от гордости, хрустел и переливался разными красками, как пакетик из-под чипсов»*). Действительно, Пашка является не самым умным учеником 7-го «Е» класса (даже учитывая общий уровень учеников данного класса), но он силен физически и добр душой. Несмотря на фразу Антона о том, что Пашка *«завёл себе Юру и*

повысил свой статус», нельзя обвинить мальчика в неискренности. Внешняя грубость мальчика является защитной реакцией от суровых реалий мира, в котором всем им приходится выживать, однако, в отличие от Димы Димуры и его друзей, Пашка раскрывается в повести не как хулиган и задира (хотя, несомненно, он не отличается примерным поведением), а как хороший друг и защитник Юры.

Для творчества Ек. Мурашовой характерно обращение к сложным детским характерам, раскрытие положительных качеств в не самых положительных персонажах, но раскрытие это происходит без идеализации и приукрашивания. В повести «Класс коррекции» подчёркивается и глупость, и неотёсанность Пашки, но при этом именно его писательница делает самым преданным другом Юры. Если мы обратимся к этимологии фамилии Зорин, то увидим, что по одной из версий данная фамилия произошла от славянского прозвища Зоря, которое могло быть производным от глагола «зорить» – «зорко глядеть, стеречь». В повести Пашка действительно становится защитником, помощником Юры. Похожую необходимость отвергнутого подростка заботится о ком-то ещё более уязвимом, чем он сам, мы встречаем в повести «Обратно он не придёт!» в образе Васьки. Как для Васи необходимость заботиться о Жеке является следствием собственной ненужности родителям, так и для Пашки появление человека, на которого можно направить свою любовь, является следствием родительской нелюбви. Неслучайно в фантастическом мире Пашка предстаёт в образе пятилетнего ребёнка, жующего бублики с маком в саду. Мы видим, что самым заветным желанием «могучего» Пашки является счастливое детство, наполненное маминой лаской и заботой.

В том же саду вместе с Пашкой Юра и Антон обнаруживают Витьку – ещё одного детского персонажа, образ которого мы рассмотрим в данной работе. О прошлом Витьки, как и о прошлом Антона и Стеши, мы узнаём из диалога учителей: *«У Виктории (если, конечно, она действительно Виктория) нет семьи, и её никто не ищет. Мы проверяли. До знакомства с*

Митей она вроде бы два года ездила по стране с дальнотойщиками. Где и с кем жила до этого – не говорит». Создавая на страницах своего произведения образ Витьки, Ек. Мурашова вновь обращается к проблеме беспризорничества, поднимаемой ранее в повести «Обратно он не придёт!». На этот раз писательница создаёт женский образ. Мы видим совсем юную девушку, вынужденную жить у чужих людей, заниматься проституцией, «когда в семье совсем жрать нечего», заботиться о Милке как о родном ребёнке, когда её мать пропадает.

Выше нами было уже отмечено, что Л. Рудова в своей статье «Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды)» приходит к выводу, что в произведениях Ек. Мурашовой героизм, как правило, не присущ женским персонажам.[Рудова: 106] Однако нельзя отрицать, что Витька обладает некоторой степенью героизма. Самоотверженно Витька заботится о Милке, хотя она и не является её сестрой, просто девочка не может позволить себе оставить ребёнка на произвол судьбы, как когда-то родители и семья оставили её. Морально Витька намного сильнее умственно и физически малоразвитого Митьки, поэтому он к ней прислушивается. Перед нами подросток, вынужденный повзрослеть раньше времени из-за отсутствия рядом родителя или наставника. Несмотря на внешнее стремление скорее создать семью и взять на себя взрослые обязанности, в сознании девочки сидит неосознанное желание подольше задержаться в детстве, о чём свидетельствует сцена в фантастическом мире, когда Витька предлагает маме свою помощь в кормлении Милки, а мама ей отвечает: *«Да что ты, Виконька, деточка!.. Я сама её покормлю, как проснётся. А ты пойдёшь с девочками в сад поиграй или вон мультики по телевизору посмотри...»*

Таким образом, в повести «Класс коррекции» изображены детские образы, которые можно отнести к следующим категориям отчуждения (по К. Уилки-Стиббс):

- 1) «стёртые» (Антон, Юра, Стеша, Пашка, Мишаня, Митька),

2) «непривязанные» (Витька).

Помимо образов отвергнутых детей писательница создаёт яркий образ мальчика из благополучной семьи, Вадика, который, так же как и образ учителя географии Сергея Анатольевича, помогает избежать в произведении жёсткой оппозиции благополучные дети – неблагополучные дети – учителя, так как Ек. Мурашова в своём творчестве всё же стремится к объективности. Вадик, *«малыш-«ашка», класса так из второго, весь из себя, в тройке баксов за двести, вычищенный-вылизанный, с лакированным портфельчиком»*, при первой встрече захотел дать Юре денег, но у него не оказалось их, и он предложил мальчику на инвалидной коляске яблоко. В данном фрагменте мы видим, что у мальчика в голове сложилось чёткое представление о том, что такие как Юра обязательно должны быть нищими и заниматься попрошайничеством, но детская непосредственность наталкивает его на мысль дать Юре яблоко, а ответный «подарок» малышу от Юры в виде жвачки становится началом дружбы между «благополучным» и «неблагополучным» ребёнком. Несмотря на то, что Вадик вырос в совершенно других условиях, нежели ученики 7-го «Е» класса, его роднит с ними способность к сопереживанию, самопожертвованию. Вадик является маленьким бунтарём, готовым бросить вызов сложившимся правилам в гимназии, пускай и неосознанно, а просто руководствуясь сердцем, которое подсказывает ему, что дружбе между людьми не могут помешать ни социальное неравенство, ни физические недостатки. Ек. Мурашова показывает, что героем её произведений является не только отвергнутый ребёнок, обладающий сильным характером, но и ребёнок из благополучной семьи, способный критично оценить сложившуюся вокруг него ситуацию и сделать нравственный выбор, сохранить в себе человека.

Таким образом, анализ детских персонажей в повести Ек. Мурашовой «Класс коррекции» позволил сделать нам следующие выводы:

1) Писательница создаёт сложные образы детей-изгоев, раскрывает их положительные качества, показывает нравственную состоятельность учеников класса коррекции, но избегает идеализирования персонажей.

2) Героем-повествователем в повести «Класс коррекции», как и в повести «Обратно он не придёт!», выступает подросток, находящийся в «пограничном» состоянии между миром благополучных и неблагополучных детей.

3) Одним из основных средств создания детских образов в повести выступает номинация.

4) Детские персонажи в произведениях Ек. Мурашовой объединяются перед лицом проблемы, готовы жертвовать личным спокойствием ради блага другого.

5) Писательница создаёт детские образы, которые, по К. Уилки-Стиббс, можно отнести к следующим категориям отчуждения: «стёртые» и «непривязанные».

6) Героем произведений Ек. Мурашовой является также и ребёнок из благополучной семьи, способный сопереживать и готовый бороться против несправедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования мы пришли к следующим выводам: тема детства всегда волновала писателей, образы детства, которые они создавали в своих произведениях, отражают социальные реалии той или иной эпохи; в сказках и произведениях детской литературы ребёнок часто противопоставляется взрослым персонажам, оказываясь, как правило, намного мудрее, смелее и сильнее них; детство изображается как период чудес, приключений и максимальной отзывчивости человеческого сердца на чужую беду. К теме детства обращались не только детские писатели. В произведениях таких классиков русской литературы как А. Погорельский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М. Горький, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко данная тема находит отражение.

В ходе анализа детских образов в повестях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции» были получены следующие результаты:

1) В повести «Обратно он не придёт!» представлены три типа социального сиротства: девочка из неполной семьи, «лишенец» и «отказник». История каждого персонажа способствует раскрытию той или иной стороны проблематики произведения. Каждый детский персонаж повести выполняет свою функцию – Ольга учит читателя не оставаться равнодушной, Вася показывает, что можно быть достойным человеком в самых «недостойных» условиях, а образ Жеки вызывает в сердцах читателей чувство сострадания, способствует более жёсткой постановке проблемы социального сиротства и беспризорничества.

2) Продолжая традиции В.Г. Короленко, Ек. Мурашова заставляет читателя по-новому взглянуть на проблему, открывает перед читателями мир современных «детей подземелья».

3) Писательница рассматривает поставленную в повести проблему, с одной стороны, как детский психолог, показывая читателю разрушение института семьи и последствия этой трагедии в виде страдания детей, а с

другой стороны, как писатель, выводя социальную проблему на уровень нравственных, исторических и общечеловеческих проблем.

4) Помимо традиционной для русской литературы темы сиротства, Ек. Мурашова поднимает в своих произведениях тему, которая прежде игнорировалась детскими писателями. Ек. Мурашова делает героями своих произведений детей с ограниченными возможностями.

5) В книгах Ек. Мурашовой акцентируется внимание на детях отверженных, герой ее книг – ребенок-изгой, ставший ненужным в обществе из-за своей болезни или материального положения и социального статуса родителей.

Таким образом, в данной работе мы проанализировали детские образы в произведениях Ек. Мурашовой «Обратно он не придёт!» и «Класс коррекции». Однако данное исследование не исчерпывает всех возможностей изучения образа ребёнка и детства. К перспективам изучения данной проблемы следует отнести сравнительный анализ детских образов в книгах Ек. Мурашовой с детскими образами в произведениях других писателей начала XXI века с целью выявления и обобщения особенностей изображения ребёнка в этот период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребёнка в мире [Текст] / В.В. Абраменкова // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С. 34-41.
2. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Антонов, А.И. Судьба семьи в России XXI века [Текст] / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. – М.: Издательский Дом «Грааль», 2000. – 416 с.
4. Арзамасцева, И.Н. Детская литература [Текст] / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – М.: Академия, 2005. – 576 с.
5. Барковская, Н.В. Типы повествования и их анализ [Текст] / Н.В. Барковская // Филологический класс. – 2004. – №11. – С.16-25.
6. Бухина, О. Чего может добиться гадкий утенок: психологический портрет сироты в детской литературе [Текст] / О. Бухина // Конструируя детское. Филология, история, антропология: сборник науч. ст.: вып. 9. – СПб.: Изд-во Азимут, 2011. – С. 374–397.
7. Бухина, О., Лану, А. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи [Текст] / О. Бухина, А. Лану // Детские чтения. – 2015. – №1 – С. 24-47.
8. Габдуллина, В.И., Изранова Е.В. Библейская символика в повести В. Я. Шишкова «Странники» [Текст] / В.И. Габдуллина, Е.В. Изранова // Проблемы исторической поэтики. – 2017. – Том 15. – С. 119-133.
9. Гаспаров, М.Л. Избранные труды, том II. О стихах [Текст] / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 504 с.
10. Гиндин, В.П. Психопатология в русской литературе [Текст] / В.П. Гиндин. – М.: Пер Сэ, 2005. – 224 с.
11. Глухова, Ю.О. Подросток в современной русской литературе [Текст] / Ю.О. Глухова // Научная дискуссия современной молодёжи:

актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник ст. конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2016. – С. 233-234.

12. Головина, Л.Г. Реализация мифологем «Дом» и «Странничество» в русской прозе XX В. О беспризорниках и детях-сиротах [Текст] / Л.Г. Головина // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №4. – С. 261-263.

13. Горбушина, Е.А., Ившина Н.В. Тема милосердия в повести Е. Мурашовой «Класс коррекции» [Текст] / Е.А. Горбушина, Н.В. Ившина // Гуманизм в культуре и гуманитаристике: сборник ст. конференции. – Глазов: Изд-во Глазовский гос. пед. инст. им. В.Г. Короленко, 2017. – С. 152-156.

14. Гостев, А.А. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина. На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия [Текст] / А.А. Гостев, Н.В. Борисова. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 288 с.

15. Гращенкова, Е.Л. Инклюзивная проблематика в современной детской художественной литературе [Текст] / Е.Л. Гращенкова // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики: сборник ст. конференции. – М.: Изд-во Московский гос. псих.-пед. ун-т, 2017. – С. 442-448.

16. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2014. – 24 с.

17. Дворяшина, Н.А. Лики детства в русской литературе Серебряного века [Текст] / Н.А. Дворяшина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2008. – №55, вып. 15. – С. 137-143.

18. Девятова, Е.В. Беспризорность в контексте российской культуры: дис. канд. культ.: 24.00.01 / Челябинская гос. акад. культуры и искусств – Челябинск, 2009. – 141 с.

19. Джидарьян, И.А. Психология счастья и оптимизма [Текст] / И.А. Джидарьян. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 268 с.

20. Дианова Е.Е. Образ детства в английской и русской прозе середины XIX века [Текст] / Е.Е. Дианова. – М.: Просвещение, 1996. – 249 с.
21. Добрицкая, И.Г. Произведения о детях в русской литературе XIX века [Текст] / И.Г. Добрицкая. – М.: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2013. – 395 с.
22. Желябина, А.Г. Способы реализации конфликта в повести «Класс коррекции» Е. Мурашовой [Текст] / А.Г. Желябина, С.В. Игонина, Т.Л. Павлова // Казанская наука. – 2017. – №7. – С. 19-21.
23. Иванкива, М.В., Чарская-Бойко В.Ю. Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика [Текст] / М.В. Иванкива, В.Ю. Чарская-Бойко // Детские чтения. – 2015. – №2 – С. 173-190.
24. Ишбулатова, И.А. Современная повесть о подростках в восприятии семиклассников [Текст] / И.А. Ишбулатова // Проблемы современного филологического образования: сборник науч. ст. – Ярославль: Изд-во Ремдер, 2014. – С. 143-149.
25. Колесова, Л.Н. О некоторых особенностях композиции «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля (Проблемы детской литературы. П., 2001) С. 159-169
26. Кон, И.С. Ребёнок и общество [Текст] / И.С. Кон. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
27. Короленко, В.Г. Дети подземелья [Текст] / В.Г. Короленко. – Минск: Народная асвета, 1979. – 64 с.
28. Коротина, Л.Д. Языковые средства создания образа ребёнка в повести В.Г. Короленко «Дети подземелья» [Текст] / Л.Д. Коротина, О.В. Никифорова // Молодой ученый. – 2015. – №22.1. – С. 185-187.
29. Корсунский, Е.А. О роли художественной литературы в познании психологии человека [Текст] / Е.А. Корсунский // Вестник ТГУ. – 2013. – №6 (122). – С.55-59.
30. Костюхина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. [Текст] / М.С. Костюхина. – М.: ОГИ, 2008. – 224 с.

31. Костюхина, М.С. Откровения подростка. [Текст] / М.С. Костюхина // Детские чтения. – 2007. – №19. – С. 22-26.
32. Кржижановский, С. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 4. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре [Текст] / С. Кржижановский. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 848 с.
33. Крупенина, М.И. Концепция детства в литературе [Текст] / М.И. Крупенина // ИСОМ. – 2015. – №3. – С. 202.
34. Кушнарченко, С.П. Философия в художественной литературе: методология философской интерпретации, основанная на православной онтологии [Текст] / С.П. Кушнарченко. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2011. – 406 с.
35. Лебедев, Ю.В. История русской литературы XIX века (вторая половина) / А.И. Журавлева, Ю.В. Лебедев, Н.Н. Скатов и др. – М.: Просвещение, 1991. – 512 с.
36. Лелявская, М.Г. Уроки взрослым в книгах Екатерины Мурашовой [Текст] / М.Г. Лелявская // Мировая словесность для детей и о детях. – 2012. – вып. 16. – С. 353-360.
37. Липовецкий, М.Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской литературе [Текст] / М.Н. Липовецкий // Детские чтения. – 2014. – №2 – С. 7-22.
38. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
39. Лупанова И.П. Полвека: советская детская литература 1917–1967: очерки [Текст] / И.П. Лупанова. – М.: Детская литература, 1969. – 669 с.
40. Матвеева, Е.О. Образ трагического детства в современной русской литературе [Текст] / Е.О. Матвеева // Синтез в русской и мировой художественной культуре: сборник ст. конференции. – Ярославль: Изд-во ООО Агентство «Литера», 2014. – С. 45-48.

41. Метелкина, О. О двух повестях Екатерины Мурашовой [Текст] / О. Метелкина // Литературная учеба. – 2011. – № 4 – С. 139-155.
42. Минералова, И.Г. Детская литература. Хрестоматия: учебное пособие [Текст] / И.Г. Минералова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 431 с.
43. Мурашова, Е.В. Барабашка – это я [Текст] / Е.В. Мурашова. – М.: Детская литература, 1998. – 265 с.
44. Мурашова, Е.В. Класс коррекции [Текст] / Е.В. Мурашова. – М.: Самокат, 2014. – 192 с.
45. Мязотс, О.Н. Конфликт «отцов и детей»: для кого пишут детские книги и кто их читает? [Текст] / О.Н. Мязотс // Детские чтения. – 2014. – №2 – С. 170-183.
46. Нечаева, А.М. Детская беспризорность – опасное социальное явление [Текст] / А.М. Нечаева // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 59.
47. Орлова, Е.И. Виды образов в литературном произведении [Текст] / Е.И. Орлова. – М.: Учпедгиз, 2008. – С. 39.
48. Попова, И.М. Современная русская литература [Текст] / И.М. Попова, Т.В. Губанова, Т.Е. Жукова. – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2013. – 108 с.
49. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В.Я. Пропп. – СПб.: Книга по требованию, 2001. – 346 с.
50. Рудова, Л. Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» [Текст] / Л. Рудова // Детские чтения. – 2014. – №1 – С. 201-217.
51. Рудова, Л. Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды) [Текст] / Л. Рудова // Детские чтения. – 2014. – №2 – С. 85-101.
52. Сальникова, А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования [Текст] / А.А. Сальникова. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.

53. Светлов, В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов [Текст] / В.А. Светлов. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2012. – 279 с.
54. Сетин, Ф.И. История русской детской литературы, конец X – первая половина XIX [Текст] / Ф.И. Сетин. – М.: Просвещение, 1990. – 304 с.
55. Сигаева, Т. Три «детства» в русской литературе [Текст] / Т. Сигаева // Литература. – 1999. – № 3. – С. 5-12.
56. Соколов, А.Г. История русской литературы [Текст] / А.Г. Соколов. – М.: Высшая школа, 1988. – 352 с.
57. Солдаткина, Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике [Текст] / Я. В. Солдаткина. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2015. – 160 с.
58. Суковатая, В. Другое тело: инвалид, урод и конструкции дизабилити в современной культурной критике [Текст] / В. Суковатая // Неприкосновенный запас. – 2012. – №3. – С. 73-98.
59. Суперанская, А.В. (ред.) Справочник личных имён народов РСФСР [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Русский язык, 1987. – 656 с.
60. Тибонье, Л. Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась Кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» [Текст] / Л. Тибонье // Детские чтения. – 2015. – №2 – С. 160-172.
61. Хомич, Э.П. Детская литература в терминах и дефинициях: филологическая интерпретация [Текст] / Э.П. Хомич // Проблемы развития сознания в культуре и образовании: сборник науч. ст. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2014. – С. 249-256.
62. Черняк, М.А. Дети и детство как социокультурный феномен: опыт прочтения новейшей прозы XXI в. [Текст] / М.А. Черняк // Конструируя детское. Филология, история, антропология: сборник науч. ст.: вып. 9. – СПб.: Изд-во Азимут, 2011. – С. 49-61.

63. Черняк, М.А. Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста [Текст] / М.А. Черняк // Детские чтения. – 2013. – №4. – С. 136-151.

64. Эльконин, Б.Д. Введение в психологию развития [Текст] / Б.Д. Эльконин. – М.: Тривола, 1994. – 168 с.

65. Эпштейн, М.Н. Образ художественный [Текст] / М.Н. Эпштейн // Кожевников, В.М. (ред.) Литературный энциклопедический словарь / В.М. Кожевников. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 252-257.

66. Википедия. Беспризорник [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/809429> загл. с экрана. (дата обращения: 17.10.2017).

67. Википедия. В дурном обществе [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/В_дурном_обществе загл. с экрана. (дата обращения: 14.10.2017).

68. Википедия. Мурашова, Е.В. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мурашова,_Екатерина_Вадимовна загл. с экрана. (дата обращения: 07.10.2017).

69. Интервью с Екатериной Мурашовой [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.narniacenter.ru/go/murasheva_interview.html Загл. с экрана. (дата обращения: 10.10.2017).